

Киев
Феникс
2004

ББК 75.81
К32

Квардригин Феликс

На байдарке: - К.:, ООО “Феникс”, 2004 - 112 с., ил.

Издатели относят себя к следующему, после авторов, поколению туристов.

20 лет назад мы читали “На байдарке” дома, в походе и с особым удовольствием на работе. С радостью переносились от рабочего стола на уютные поляны, к скалистым берегам, порогам, дамбам, котлам и кострам, а главное к друзьям, с которыми есть о чем поговорить и помолчать под звуки гитары. Для нас Феликс Квадригин был симпатичным единомышленником, прошедшим по нашим маршрутам чуть-чуть раньше. Мудрые и меткие высказывания с удовольствием цитировали. Для новичков изучение первоисточника было необходимым условием принятия в команду.

За 20 лет круг наших друзей расширился, сдвинулся, короче, изменился. И мы обнаружили, что у многих достойных людей серьезный пробел в образовании — они НЕ ЧИТАЛИ книгу “На байдарке”!!!

Решено было взять дело в свои руки — переиздать любимую книгу. В поисках автора провели небольшое детективное расследование и выяснили, кто скрывался под квадратным псевдонимом! Были заново очарованы авторами. Наше многолетнее уважение переросло, при личном знакомстве, в искреннюю симпатию.

Завидуем тем, кто будет читать эту книгу впервые.

- © Видавництво “Здоров’я”, Киев, 1980.
- © Издательство “Физкультура и спорт”, Москва, 1985.
- © ООО “Феникс”, Киев, 2004.

По берегу за байдаркой

Книга "На байдарке" учит жить — даже тех, кто не способен отличить байдарку от баядерки. В ней можно найти советы на многие случаи жизни.

Всего три примера.

1. "Не выбирайте маршрута, пользуясь сведениями, почерпнутыми из старых или недостоверных источников".

Хочется добавить: в том числе и первоисточников, которым мы доверяли и даже сдавали по ним экзамен.

2. "Самый жор начинается глубокии вечером".

Я обычно ужинаю раньше. До глубокого вечера не дотягиваю.

Засыпаю. Может быть, здесь имеется в виду, что самый жор начинается во сне (особенно на голодный желудок), во сне от него не так поправляются.

В книге эта справедливая мысль завуалирована, но она очевидна.

3. "Все, что может быть разбито, разобьётся". Это неутешительный вывод из жизни вообще, из которого следует утешительный вывод: все, что не может быть разбито, не разобьётся.

Конечно, это юмор. Юмор не разобьётся ни-ког-да. В книге он — цемент, скрепляющий строгие научные советы, и от этого мне, небайдарочнику, веселей бежать по берегу за байдаркой.

Ф. Кривин

Гелий Ефимович Аронов
Врач-иммунолог,
историк медицины,
доктор медицинских наук

Михаил Яковлевич Голдштейн
Инженер, специалист по
радиоэлектронике

Юрий Вадимович Шанин
Филолог-латинист,
кандидат филологических наук,
профессор

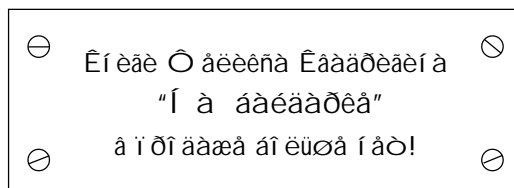

Юрий Яковлевич Фиалков
Выдающийся химик,
доктор химических наук,
профессор, заслуженный
деятель науки

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Habünt sua fōta libūlli – Книги имеют свою судьбу. Так говорили древние римляне. И они были правы. Еще одно тому доказательство – книга, которую вы держите в руках. Она написана 25 лет тому назад. Сначала издана по-украински в Киеве (1980 г.), затем переиздана в Москве по-русски с иллюстрациями Бориса Жутовского (1985 г.) тиражом в 50 тысяч экземпляров (теперь даже не верится, что такие тиражи возможны!). И удостоена была высшей награды – объявления в Доме книги на Калининском проспекте:

... В издательстве “Физкультура и спорт” готовилось переиздание, но тут задули порывистые ветры Перестройки – и наше суденышко вынужденно сошло с маршрута...

Но оно не исчезло в бурных волнах перемен. Туристы нашего поколения передавали книжку своим детям, нередко – в виде ксерокопии. А некий неведомый нам друг-читатель самоотверженно распечатал ее в Интернете. Короче говоря, наш коллективный опус зажил своей собственной, независимой от авторов жизнью (что и имели в виду древние, говоря о своеобразных судьбах книг).

Мы уютно спрятались под псевдонимом: “Феликс” – в честь нашего друга и любимого автора Феликса Кривина. А “Квадригин”? Так нас же было четверо!

Получив предложение переиздать “Феликса Квадригина” мы с благодарностью согласились. И решили не “осовременивать” текст. Хотя отдаем себе отчет: 25 лет – большой срок. Особенно – в эпоху решительных (а порой и разрушительных) перемен, выпавших на нашу долю.

Попробуем лишь кратко прокомментировать те главы, которые могут вызвать вопросы и даже недоумения у молодого, современного читателя. Дело в том, что “Квадригин” рожден был в самый разгар так называемого Застоя, обыденные следствия которого поймут только люди нашего поколения. Например, как понять почти детективные истории доставания тушенки или “выбивания” железнодорожных билетов? Как объяснить, что в условиях перманентного и почти тотального Дефицита решить эти проблемы было фантастически сложно, даже за деньги?!

То, что для героев нашего времени казалось очевидным, более того - неизбежным, что входило в обязательный комплекс преодоления препятствий, возможно, вызовет недоумение у современного байдарочника (с чем мы его и поздравляем!), ибо сие значит лишь одно: препятствия эти уже стали достоянием истории.

Надеемся, туда же канули и проблемы приобретения байдарки. И современные туристы лишь снисходительно улыбнутся, узнав о нашей мечте – байдарке “ЭР-ЗЭТ” из ГДР. И даже, возможно, поинтересуются: что это за страна такая ГДР? И почему ее нет на карте?!

Да, политическая карта Европы за последние два десятилетия сильно изменилась: появились новые страны, новые границы, стало привычным экзотическое для нас слово “виза”.

Но мы верим, что это не остановит настоящего байдарочника, и он побывает и в зарубежной Прибалтике, и на Жарком Кавказе, и на великих реках Сибири. Ведь уже упомянутые древние говорили: *Navigare necesse est* (плавать необходимо!). И они, как всегда, были правы.

Наш коллективно-личный жизненный опыт убеждает: истинного байдарочника не остановит ничто! Разве что вынужденный уход с земного маршрута на потусторонний. Так безвременно сошел с маршрута наш друг и соавтор Юрий Фиалков, памяти которого мы и хотим посвятить это издание книги “На байдарке”.

Гелий Аронов,
Михаил Гольдштейн,
Юрий Шанин

СТАРТ

Эта книга не (совсем) руководство для начинающих байдарочников.

Тем более это не инструкция для байдарочников со стажем.

Это не мемуары бывалых туристов. Это и не пособие для инструктора-общественника. Наконец, это не сборник юморесок. — Что же это такое? — вправе спросить читатель, недоуменно перелистывая книгу.

— Не знаю! — не покрываясь румянцем смущения, отвечает автор.

Такое вызывающее поведение автора объясняется очень просто: его знакомство с теорией литературы ограничивается школьным курсом, из которого он вынес твердую уверенность в том, что сонет и впрямь отличается от мадригала, но в чем заключается это различие — забыл. А определять жанр книг, да еще им же написанных, автора не научили.

В самом деле, что получится, если смешать несколько ненавязчивых советов не так чтоб уж очень опытного, но очень влюбленно-го в свое дело байдарочника-туриста с некоторой дозой юмора? Автор тешит себя надеждой, что ничего плохого не произойдет, а жанровое определение здесь не столь уж важно. Гораздо важнее, чтобы полученную таким образом смесь можно было употреблять. Причем для познавательного чтения, а не для растопки туристского костра.

КАК СТАНОВЯТСЯ СУДОВЛАДЕЛЬЦАМИ

Байдарочниками не рождаются. Ими не становятся случайно. В байдарочничество втягивают. Кто? Обычно близкие друзья.

Одним прекрасным летом вы обнаруживаете, что очутились в полном моральном вакууме. Вам не с кем не то что поехать отдыхать в чудесное местечко под Лазаревским, но и скоротать за кружкой пива душный летний вечер.

Зимой тоже не лучше. Собравшись за праздничным столом на чьем-то дне рождения, вы с ужасом замечаете, что говорите с вашими друзьями на разных языках. Их не интересуют шансы на прогрессивку в текущем квартале, они отмахиваются от жгучей проблемы — кого будет тренировать в предстоящем сезоне Елена Чайковская, и, наконец (подумать только!), они равнодушны к судьбе недавно еще столь горячо любимого ими форварда.

Ваши друзья целый вечер лопочут о каких-то стрингерах, галсах, порогах, фарватерах и кильватерах. Позабыв об элементарных приличиях, они сравнивают божественную кулебяку — семейную гордость в третьем поколении! — с каким-то сомнительным варевом, сотворенным Коком под деревней Пятки, и (о ужас!) сравнение это оказывается не в пользу хозяйки дома! А она, хозяйка, совсем не обижается, и это уже совершенно озадачивает и даже пугает...

Итак, перед вами зловеще и неотвратимо встает проблема: или вы теряете — окончательно и бесповоротно — друзей, или вступите в пока еще загадочную и непонятную для вас секту байдарочников.

Заявления о приеме не нужно. Вместо него необходимо предъявить братьям-байдарочникам байдарку — свидетельство серьезности ваших намерений. Следовательно, вам предстоит стать судовладельцем.

Для этого существует несколько путей. Приятно получить байдарку в подарок. Например, ко дню рождения. Но это, во-первых, удастся далеко не всем. А во-вторых, не всякая дата годится для такого подарка. Опыт поколений подсказывает: получить байдарку в день своего столетия или золотой свадьбы уже несколько поздно (или, скажем, неосмотрительно). Можно выиграть туристское суденышко по лотерее ДОСААФ. Но тут везет немногим. И почему-то, как правило, тем, кто о таком выигрыше совсем не мечтает.

Весьма заманчиво получить байдарку в наследство. Но и это маловероятно. Ибо настоящая байдарка подобна преданному коню: она редко переживает своего хозяина, обычно кончая дни свои гораздо раньше. Поэтому ваши шансы стать судовладельцем по праву наследования практически равны нулю.

Конечно, можно взять байдарку напрокат в туристском клубе. Но ни один мало-мальски уважающий себя водоплавающий такого не сделает. Не говоря уже о сомнительных качествах и сохранности прокатных суденышек (скольких хозяев они повидали!), взять байдарку напрокат — почти то же, что, просим прощения, взять напрокат друга. На один сезон. Есть в этом что-то неуловимо-непозволительное для настоящего туриста.

Итак, постепенно и неуклонно мы подходим к единственно верному выводу: байдарку следует приобрести в магазине.

В ближайшую субботу после трехдневной и почти мирной (стран-

ности уже начинаются) дискуссии с вашей супругой вы отправляетесь покупать байдарку. За вами возбужденно гудящей толпой следуют ваши друзья, ликуя по поводу обращения в байдарочную веру еще одного неофита.

К этому времени вы уже напичканы всевозможной информацией. Вы знаете, что польский “Нептун” великолепен: бортовой поддув, парус, тележка и нежный смородиновый цвет. Но, во-первых, цена, а во-вторых, у “ЭР-3ЭТ” (ГДР) ход все же лучше, не говоря об изящно отполированном деревянном остове и замысловатых спинках сидений в виде сердечек.

И все же ваши друзья считают, что надежней всего наши родимые “Салют” и “Таймень”. Они, быть может, чуть широковаты в бортах, не отличаются ни изысканностью линий, ни оптимальной крейсерской скоростью. Зато весьма вместительны (далеко не последнее дело) и устойчивы: сами по себе никогда не переворачиваются! К тому же байдарки эти бывают не только двух-, но и трехместные. А это весьма важное обстоятельство, если вспомнить последнюю перепись населения. Ибо замечено: дети (как это ни странно) растут и со временем начинают требовать для себя отдельное место под туристским солнцем.

Скелет “Салюта” и “Тайменя” не деревянный, а дюралевый. Поэтому среди прочих моделей эти байдарки считаются долгожительницами: они чаще других доживают до пенсионного возраста (и своего, и хозяйского).

Наконец, последнее преимущество: в спортивно-туристских магазинах “Салют” и “Таймень” можно приобрести почти всегда (и без знакомства). А “Нептун” и “ЭР-3ЭТ” — почти никогда (даже по знакомству).

Взвесив все эти плюсы (о минусах читайте в других разделах), вы с женой приобретаете байдарку марки “Салют” или “Таймень”. Для этого оказывается вполне достаточно тех денег, которые вы в течение зимы откладывали на выходной костюм*.

Наконец, байдарка с помощью друзей привезена домой, водружена на балкон (“шкуру” вы заботливо поместили в кладовке, на антресолях либо, на худой конец, в платяном шкафу, ибо она боится

---

* Впрочем, допускаем, что в момент, когда эта книга попадет к тебе на глаза, дорогой читатель, в магазинах появятся новые, еще не известные автору модели байдарок!

мороза и сырости, пыли и града, тумана и слеза). Покупка торжественно отмечается. И — о радость! — вам кажется, что вы снова обрели общий язык с друзьями и даже начинаете игриво-фамильярно рассуждать об опасности проколов. Но вас тут же ставят на место и терпеливо-снисходительно разъясняют, что туристом-байдарочником вы еще не стали даже в самой малой степени.

Покупка байдарки — это всего-навсего покупка чего-то в мешке. Для того чтобы эта вещь в мешке стала вещью для вас, нужно научиться многому, и прежде всего необходимо овладеть тонким, почти шаманским искусством сборки байдарки.

То, что это совсем не просто, вы начинаете понимать, когда, проводив друзей, открываете первую страницу солидного фолианта — инструкции по сборке “Тайменя”. Она живо напоминает вам вузовский учебник “Введение в теорию аппроксимационных векторных групп” — много, скучно и абсолютно непонятно.

Однажды воскресным утром, едва дождавшись, когда жена отправится в кругосветку по магазинам искать “Завтрак туриста”, вы втаскиваете тюк с байдарочными деталями в комнату, развязываете его и... м-м-да... Вы закончили (с отличием) политехнический институт по специальности “Автоматика и телемеханика”, но в нагромождении деталей, которые даже наваленные горкой занимают всю комнату, вам не разобраться и с помощью книги “1001 полезный совет молодой хозяйке”.

Первой фразой, которая вылетит из милых уст вашей супруги, когда она возвратится домой, будет: “Я так и знала, что этим кончится!” Благословенны вы, всегда все знающие супруги! Но если бы это был конец!

Кое-как соединив металлические и деревянные детали и убедившись, что за время ваших попыток собрать байдарку количество этих деталей почему-то увеличилось по меньшей мере втрое (почкуются они, что ли?), вы по скорой телефонной помощи вызываете самого эрудированного друга.

Он врывается в квартиру через пятнадцать минут в пальто, наброшенном на пижаму, и кричит еще с порога:

– Поломаны стрингера? Не хватает кильсона? Погнут руль?!

Услышав, что до этого еще не дошло, а также определив полную комплектность байдарки, приятель облегченно закуривает и осведомляется, зачем он был вызван. Ваши объяснения вызывают у него приступ сатанинского хохота. Придя в себя, он излагает вам

первую байдарочную мудрость: собирать байдарку в комнате так же бессмысленно и неприлично, как разжигать на паркете костер. Вам становится ясно, что с производственной практикой по сборке придется повременить до лета.

День первой сборки запомнится вам надолго. Не только счастливой ломотой в спине, не только гордостью за это удивительное творение человеческих рук и разума, но прежде всего лавиной новых и неожиданных теоретических и практических сведений, какими вас нафаршируют ваши опытные друзья. Оказывается, байдарке насильно мил не будешь. Ей нельзя навязывать ни своей воли, ни своего представления о технической эстетике. “Никакого насилия!” — вот основное правило сборки байдарки.

При сборке приходится быть гуманистом, убеждая байдарку словом, но не железом. Если оказалось, что шпангоут не становится на надлежащее ему место, не вздумайте увещевать его молотком, огнем и мечом. Снова разберите остов и попробуйте еще раз. Не вышло? Сделайте еще одну попытку... Нет, нет, мы же просим не применять силу. И сильных выражений тоже. Нежнее, еще нежнее! Вот видите — получилось!

Деталей одного комплекта должно хватить на сборку ровно одной байдарки. Но и лишних деталей оставаться не должно. Не утешайте себя соображением: раз эта штука не пошла в дело, она не нужна. В самый неподходящий момент вы убедитесь в обратном.

Как определить, что байдарка собрана правильно?

Объяснить это нельзя. Это можно только почувствовать. Мы подозреваем, что чувство правильно собранной байдарки заложено в недрах наших инстинктов самой природой. Чувство собранной байдарки — первая ступень нарождающегося туристского сознания. Полностью же оно формируется в то самое мгновение, когда вы, впервые сев

в ваше собственное суденышко, впервые берете в руки двухлопастное весло, впервые делаете гребок и впервые ощущаете упругое и восхитительное движение... Нет, полет! Слышите, люди! Еще один байдарочник родился! Счастливого тебе пути!

ВЫБОР МАРШРУТА

Как бы ни был прекрасен избранный вами маршрут, он никогда не сравнится с тем, что рисовало ваше воображение. Львиную долю удовольствия от путешествия вы получаете задолго до его начала, зимой, когда красный карандаш смело кочует по самым труднодоступным областям страны. Вспыхивают ослепительные идеи, захватывающие дух картины будущих приключений...

Главная трудность выбора — в обилии возможностей. Подмосковье или Сибирь? Северный Урал или Прибалтика? А может быть, многократно воспетая Десна? Или речушка со странным названием Птичь? В пользу каждого предложения есть убедительнейшие доводы и... совершенно убийственные контрдоводы.

Кавказ? Буйство южной природы, стремительные реки, царицы Тамары и витязи в синтетических тигровых шкурах, глядящие своими миндалевидными глазами вслед вашей байдарке, розовые вершины снежных гор на рассвете и фантастическое восточное гостеприимство. Но воображение поражает и обилие туристов (2853 человека на один квадратный километр водной поверхности, что значительно превышает плотность населения в трущобах Чикаго, предместьях Ливерпуля и на центральном рынке Киева).

Сибирь? Безлюдье таежных рек, непуганые лоси, которые удостоивают проплывающую байдарку лишь кивком царственной головы, медведь, терпеливо дожидющийся банки из-под сгущенки в кустах возле разбитого вами лагеря, и комары, заставляющие ретироваться с позором даже медведя...

Вы сочувственно посмеиваетесь над наивным зверем и в первые шесть дней бурно радуетесь отсутствию следов цивилизации. На седьмой день у Кока появляется неосознанное желание, на восьмой день приобретающее совершенную определенность: посетить просветительное учреждение, известное под названием "Сельпо". Остальные члены экспедиции еще живут надеждами поймать большую рыбу. Но многоопытный реалист Кок понимает, что шансы выловить это мифическое существо немногим превосходят вероятность поймать на спиннинг пачку макарон или банку колбасного фарша.

Дни проходят в мучительной борьбе между устоявшимися привычками городского человека и первозданной суровостью вынужденной таежной жизни. Только зимой вы станете утверждать, что полностью поняли и приняли дикую прелесть быта первобытных людей. К этому времени вы уже забудете, что постоянным рефреном второй половины похода были жалобные возгласы “хлебца бы!”, “картошечки!” и крамольные разговоры о пирожках с горохом, которые так преступно игнорировались в городе.

“Что прошло, то будет мило”, — сказал А.С. Пушкин, и любой турист подтвердит глубокую правоту великого поэта. Но, выбирая маршрут на следующий год, не забывайте того, что прошло, каким бы милым вашему сердцу оно ни стало.

Очевидно, маршруты бывают идеальными только до выхода на них и через 2-3 месяца после их прохождения. Поэтому нужно искать не реку без недостатков (такой попросту не существует), а маршрут, максимально отвечающий вашим склонностям.

Спросите у себя самого: “Чего же ты хочешь? Свободы от бремени цивилизации? Испытаний? Риска? Жертв? Или приятного и не слишком обременительного путешествия, почти не требующего отказа от привычного образа жизни? Кто ты: комфортафил или комфортафоб?”

Ответы на эти вопросы должны определять ваш выбор. Нет ничего печальнее, чем комфортафил на порогах Кольского полуострова, и ничего тоскливее, чем комфортафоб на неторопливых, плавных реках центральной Украины.

Учитывайте свои склонности — это первое правило выбора маршрута.

Соизмеряйте маршрут со своими возможностями — второе правило. Если ваш выбор пал на Енисей и вы решили стартовать у его истоков, не намечайте финиш на острове Диксон. Не делайте этого, даже получив одобрение у жены и тещи. Оно вам не поможет, когда до конца вашего отпуска останется три дня, а вы все еще будете вглядываться в горизонт, мучительно размышляя, куда же, черт возьми, девался город Красноярск. Об этом путешествии даже зимой вы будете рассказывать с неловкостью, ибо если и запомните, что вашей целью был Диксон, то благословившие вас на подвиг жена и теща этого не забудут никогда. Впрочем, бывают и более веселые варианты. Плывая по волшебной таежной речке и заметив в одно прекрасное утро, что отпуск близится к концу (а маршрут

конца еще не видно), отдельные романтики-фанатики дают в родное учреждение телеграмму примерно такого содержания: “Вынужден задержаться маршруте причине непроходимости тайги”.

Обычно сердобольное начальство издает сочувственный приказ о продлении отпуска несчастному. И уже потом, задним числом, задумывается: а где же в той непроходимой тайге нашелся телеграф, с которого была послана столь трогательная депеша?!

Вряд ли принесет вам удовлетворение и маршрут, рассчитанный на пятнадцать ходовых дней (из восемнадцати имеющихся в вашем распоряжении) при дневной норме восемьдесят километров. Даже при полном отсутствии ЧП (невероятный случай!) вам придется сократить стоянки и отменить первую и вторую дневки. А третью уже просто не будет смысла назначать, потому что пять шестых личного состава (всего в поход вышло шесть человек) сойдут с дистанции задолго до ее конца. Не забывайте, что турист тоже человек, а каждый человек имеет право на отдых.

Не выбирайте маршрута, пользуясь сведениями, почерпнутыми из старых или недостоверных источников — третье правило выбора. Если вы решили путешествовать по Волге, то не полагайтесь целиком и полностью на записки Афанасия Никитина. Знаменитый путешественник по вполне извинительным причинам не заметил некоторых деталей маршрутного пейзажа (Волжская ГЭС, Волго-Донской канал и т.д.). Тем более не доверяйте Страбону и Геродоту. Эти древние греки — плохие советчики. И беда не в том, что на берегах избранной вами реки вы не найдете собакоголовых людей (как обещал Геродот) и бронзовых птиц (что сулил Страбон). Вы можете не обнаружить и самой реки. Дело не в буйной фантазии античных старцев, просто в нашем стремительно меняющемся мире информация быстро устаревает.

Относитесь критически к рассказам очевидцев — гласит следующее правило. Маршрут имеет свойство резко улучшаться через два-три месяца после прохождения. Мы уже приводили мнение А. С. Пушкина на этот счет. Прекрасным качеством туристской памяти является способность просеивать перипетии минувшего похода через такое мелкое сито, что на нем остаются лишь приятные события, а весь сор неприятностей развевается по ветру.

Вот как выглядит в январе рассказ о маршруте, пройденном в июле: “До Великих Городцов сутки езды на поезде (святая правда!). Станция—в двух шагах от реки “(а это уже “просеянные”

воспоминания: до реки два километра).

Спускать лодки удобно (полуправда: чтобы добраться до удобного места, мало совершить двухкилометровый бросок, надо пробалансировать по ветхой доске на другую сторону реки). Берега чудесные (две трети всего маршрута — тростниковые заросли и болота). Препятствий на реке никаких (восемнадцать полностью перерегораживающих реку плотин). На маршруте, по меньшей мере, пять сел, в которых можно купить все, что угодно (сел, очевидно, гораздо больше, но самое близкое из них — на расстоянии восьми километров от реки, а когда вы приходите в него, то узнаете, что магазина в нем нет, а до “всего, что угодно” еще шесть километров)...

Надо ли продолжать? Если вы доверитесь только рассказам очевидцев, то сами сможете продолжить список поразительных расхождений суровой действительности с самыми розовыми воспоминаниями о ней.

Пятое правило можно сформулировать так: *Сверьте идентичность понятий*. Смысл его состоит в том, что все члены туристской группы должны примерно одинаково понимать, “что такое хорошо и что такое плохо”.

Каким бы прекрасным ни казался вам избранный маршрут, поход будет безнадежно испорчен, если ваши спутники считают, что маршрут плох.

Сверять понятия в походе — поздно. Это нужно делать, выбирая реку. Тогда, как бы ни сложилось путешествие, вы найдете опору в единодушии всех участников похода.

Не допускайте лотерейного метода — шестая заповедь.

Этот метод состоит в вытаскивании из старого берета или картонки, в которую положены бумажки с названиями рек, одной, рукой судьбы подsunутой под вашу руку. Прочитав ее, вы узнаете, что вам придется плыть по Зее, Бие или Хантайке, и на этом (вы так считаете) кончаются все ваши заботы с выбором маршрута. Подвергать выбор сомнению не приходится (“Судьба!”). Изучать его, собирать сведения, описания и рассказы тоже вряд ли целесообразно (“Против судьбы не погрешь!”).

Остается броситься на маршрут, закрыв глаза, и попытаться не открывать их до самого финиша. Если это вам удастся, возможно, вы и придете в пункт назначения. Но, как утверждает туристская статистика, нарушение этой заповеди дает самый высокий процент “соскакивания” с маршрута (иногда при помощи спасательных команд, вертолетов и вездеходов).

Самое обидное, что при лотерейном способе выбора маршрута не на ком отвести душу: виноватых нет. Не проклинать же того несчастного, который имел неосторожность запустить руку в старую шляпу!

Вот, пожалуй, и все правила. Если вы будете неукоснительно следовать им, то для удачного выбора маршрута вам останется сделать самую малость: выбрать его. А это уже совсем просто.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ЭКСПЕДИЦИИ

В подготовке к походу нет мелочей, важно все: что? куда? как? зачем?.. Но важнее всего — с кем? Ответ на этот вопрос определяет блестящий успех или жалкий провал путешествия. На нем основан незабываемый закон похода, установленный еще нашими далекими предками: “С милым рай и в шалаше (палатке)”.

Никакие красоты ландшафта, никакая экзотика и чудеса туристской техники не исправят вашего настроения и воспоминаний о походе, если они были отравлены присутствием случайно попавшего в состав группы нудного, назойливого и ленивого человека. Соответственно никакие невзгоды и каверзы маршрута, капризы погоды и катаклизмы не способны омрачить хорошее настроение дружной команды, объединенной общностью интересов и взаимной симпатией.

Это азбучные истины. Но сколько походов не оставило в душах участников ничего, кроме глухого раздражения! Сколько маршру-

тов окончилось раньше срока! Сколько блестящих замыслов осталось неосуществленными!

А между тем профилактика этих неприятностей очень проста. Надо только соблюдать правила подбора личного состава экспедиции. Их всего шесть, и знать их обязан каждый турист. Вот они:

1. Состав экспедиции не должен быть чрезмерно большим.

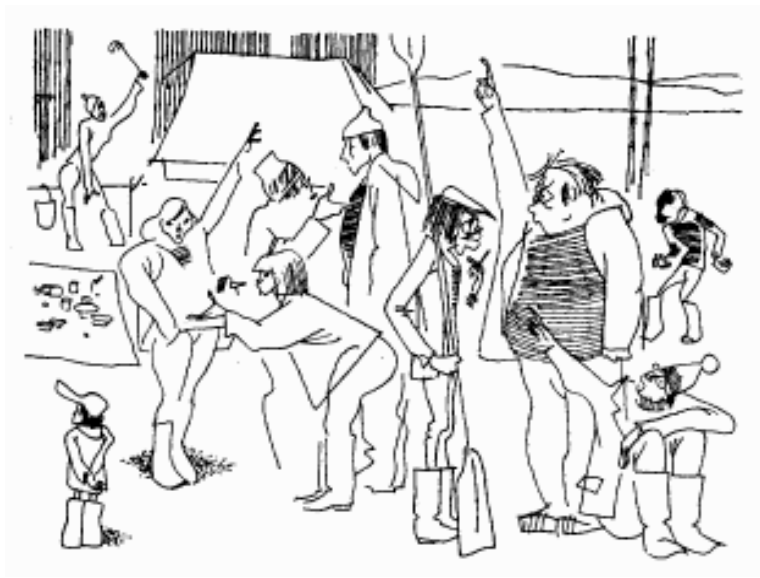
Конечно, что для одного много, то другому в самый раз, а третьему мало. И все же существует оптимум, превышать который опасно. Устанавливается он методом исключения: всех своих друзей, родственников и добрых знакомых вы заносите в список, а затем вычеркиваете из него нетуристов, нытиков, ипохондриков и болельщиков. Как правило, остается не более шести-восьми человек. Это и есть оптимум.

Каждый человек, сверх этого, таит в себе угрозу царящему в походе принципу единоначалия. Шесть человек подчиняются приказам избранного ими самими адмирала беспрекословно, восемь уже выговаривают себе право обсуждать и комментировать приказы, десять обнаруживают опасную склонность к демократии, а пятнадцать, как правило, представляют собой буйное и неуправляемое вече, напоминающее о Господине Великом Новгороде периода упадка.

Все вопросы “митингуются” и поэтому не решаются; все решения критикуются и поэтому не выполняются; количество группировок со своей собственной программой и взглядами на водный туризм превышает частное от деления 15 на 2, ибо некоторые состоят в нескольких группировках одновременно, а остальные объединяют в одном лице роль лидера группы и всех ее рядовых членов.

Фракционная борьба не утихает ни днем, ни ночью. Поэтому осиротевшие и беспризорные байдарки спокойно уплывают вниз по течению, успев преодолеть за ночь до двадцати километров; костер не разжигается несколько дней подряд, а потом, разожженный с помощью бензина, становится виновником небольшого лесного пожара; продукты падают в воду; палатки уносит ветром и т.д. и т.п.

Смута и хаос охватывают все сферы походной жизни. Энтропия нарастает, и хорошо, если неизбежный взрыв происходит вблизи какой-нибудь железнодорожной станции. В противном случае члены экспедиции просто разбегаются, позорно бросая лодки, весла и шанцевый инструмент и унося с собой лишь твердую уверенность в

том, что они больше никогда в жизни не отправятся в туристский поход.

Закон перехода количества в отрицательное качество действует на всех без исключения. Люди портятся прямо на глазах. Стоики становятся циниками, железные люди — нытиками, оптимисты впадают в глубокий пессимизм, а альтруисты становятся законченными эгоистами. Для ликвидации последствий такого похода нужны годы, а мрачные воспоминания о нем преследуют несчастных в кошмарных сновидениях всю жизнь.

2. Состав экспедиции не должен быть слишком маленьким.

Кто делал из предыдущего правила вывод, что чем меньше состав экспедиции, тем лучше, безусловно ошибся. Нет ничего тоскливее, чем часы и дни, проведенные в молчании, которое прерывается лишь словами, давно вам известными, и репликами, тысячу раз слышанными.

Экспедиция, состоящая всего из двух или трех человек, может быть и будет вполне успешной, но она не принесет радости. Частым спутником такого микроклимата будет скука — смертельный враг туризма. Однообразие губительно. Уже на второй день похода вас будут раздражать единогласные решения всех вопросов; на третий день вы будете останавливаться возле каждого рыбака, чтобы хоть

немного отвести душу в разговорах со свежим человеком; на пятый — зададите себе вопрос: “Зачем я пошел в этот дурацкий поход?” — а на шестой решите навсегда порвать с туризмом.

Многолетний опыт подсказывает, что участников похода должно быть не менее пяти-шести. Если их будет меньше, то вы не найдете на привале слушателя, когда вам захочется рассказать вашу любимую историю; всем удастся уклониться от этого под предлогом разведения костра, приготовления ужина, ремонта палатки и т.п. Не удастся вам и переложить выпавшую на вашу долю неприятную работу на кого-нибудь другого, потому что в микроколлективе все всегда заняты.

И последнее. Если в походе случайно оказывается человек, не отвечающий вашим представлениям о туристе, то положение всегда серьезно. Однако применительно к микроколлективу слово “серьезно” не передает степени развивающейся напряженности. Тут более уместно слово “смертельно”.

3. Осторожно: женщины! Или не “шерше ля фам”!

Тема “Женщина в байдарке”, конечно заслуживает отдельной главы, если не отдельной книги, ибо нам известны 123 проблемы, возникающие в связи с участием женщин в туристском походе. Здесь, однако, мы вынуждены ограничиться попыткой доказать, что в каждой экспедиции количество женщин не должно превышать определенной нормы.

Кое-кто считает, что в поход вообще следует брать только тех женщин, которых опасно оставлять дома, так как они, воспользовавшись отсутствием мужа, дадут волю владеющей ими жажде перемен. Вернувшись из похода, муж обнаруживает новые обои, но не обнаруживает старой мебели; внося в дом свой туристский рюкзак, он проверяет прочность новой люстры с подвесками, зато напрасно пытается узнать свой собственный письменный стол. И конечно же, счастливый муж неожиданно обнаруживает новые долги.

Спору нет, таких женщин опасно оставлять дома, но еще рискованнее брать их с собой в поход, ибо опасность реформ в квартире не идет ни в какое сравнение с угрозами, которые представляют реформы в байдарке или палатке. Первые, возможно, потрясут вас, вторые просто уничтожат.

Пять-шесть мужчин обычно могут нейтрализовать (хотя для этого нужно максимальное напряжение сил) влияние двух женщин, но появление третьей создает порочный, замкнутый круг: чтобы

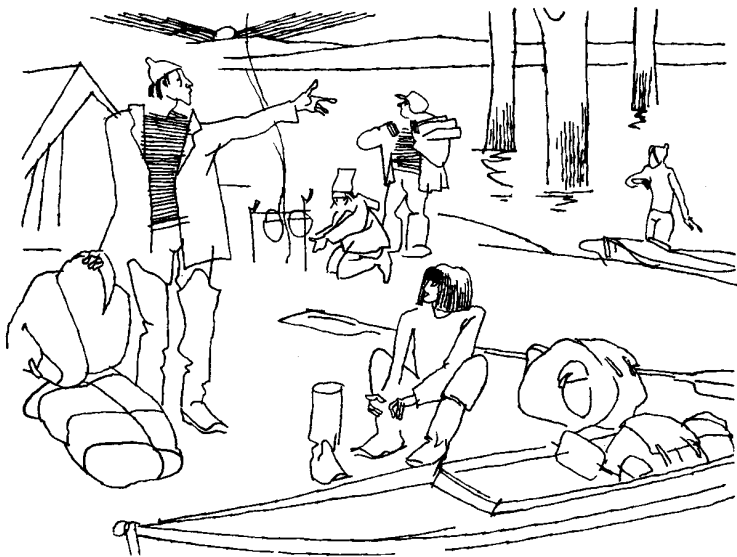

нейтрализовать ее влияние, нужно дополнительно включить в состав экспедиции восемь-десять мужчин, а это, в свою очередь, приводит к роковым последствиям (см. правило 1).

Даже одна женщина способна заставить нас усомниться в разумности основных принципов туризма. Идеи, выдвигаемые ею, как правило, абсурдны и именно поэтому неопровержимы. Вот образчик женской логики: “По реке нужно плыть не по течению, а против, чтобы замедлить скорость движения и продлить удовольствие от красот ландшафта”. На естественное возражение, что гребущему против течения уже не до красот, следует монолог об эстетическом воспитании с упоминанием о застывшей музыке (архитектуре) и о японском театре “Кабуки”.

Две женщины (если они объединятся) заставят вас курить лишь в определенное время и в специально отведенном для этого месте, три — потребуют, чтобы вы вообще бросили курить.

Две женщины заставят вас мыть посуду после каждой еды, три — регулярно драить котелок до зеркального блеска, стирать носки и пользоваться носовым платком... Укоризненно поджав губы, они зашьют на вашем костюме прорехи, которыми вы особенно горди-

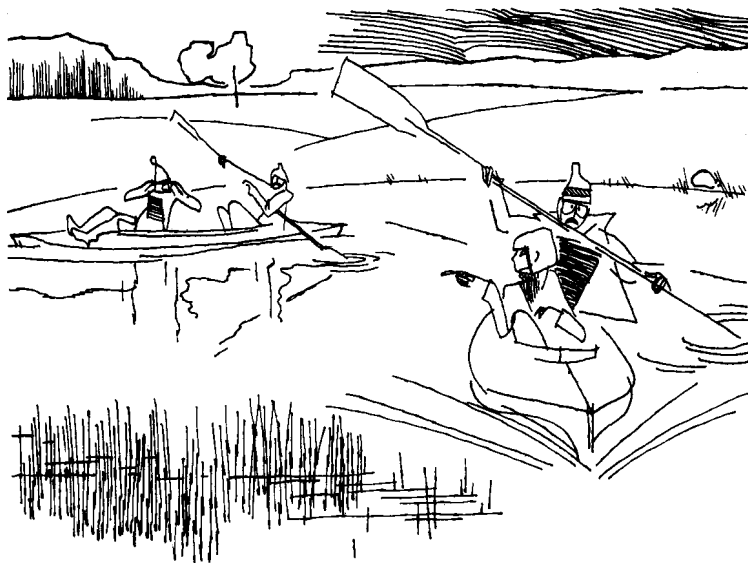
лись; затеют великую стирку, когда будет хлестать дождь, и займутся своими прическами, когда байдарку будет нести на пороги; потребуют достать молока в непроходимой тайге и срочно отправить телеграмму бабушке, когда до ближайшего телеграфного аппарата будет всего-то 231 километр.

Женщины могут... Они могут все! Поэтому еще раз предупреждаем: не более определенной нормы! Да, но какова же эта норма? Треть? Половина? Не знаем. А знали бы, все равно не сказали...

4. Дети... Дети...

Дети украшают жизнь, но не в туристском походе. Их любознательность умиляет, но когда ее объектом становится байдарка (“Потонет или не потонет, если проткнуть днище?”), вы, как правило, начинаете нервничать.

Если с вами в походе ваш собственный ребенок, то вам предстоит еще одно испытание: ваши спутники легко обнаруживают дефекты в его воспитании и начинают дружно его перевоспитывать. Ребенок, закаленный семьей и детским садом, отнесется к этому с полнейшим безразличием, но всякий раз вопрос “где тебя этому учили?” будет больно задевать вас и провоцировать на бесконечные педагогические дискуссии.

Постепенно все разговоры у вечернего костра сведутся к обсуждению проблемы отцов и детей. Ваши жалкие попытки спрятаться за спины Песталоцци, Ушинского и Макаренко будут разоблачены, ваша педагогическая несостоятельность станет очевидной.

Впрочем, известную осторожность в этом плане следует проявлять лишь к малолеткам дошкольного возраста. Дети семи-четырнадцати лет — серьезное подспорье в походе, отличная рабочая и тяговая сила. Что же касается ваших отпрысков старше четырнадцати, то не вы, а они будут решать, брать стариков в поход или оставить дома. Ничего не поделаешь — акселерация!

5. В составе группы не должно быть болельщиков.

Болельщик — лицо социально опасное. Ему жизненно необходимо давать выход своим футбольным страстям, и, как для каждого наркомана, для него не существует разницы между днем и ночью. Днем он будет обсуждать тайны жизни футбольных звезд, а по ночам — ловить передачу со стадиона “Марокана” в Рио-де-Жанейро. Его не смутит, что репортаж ведется на португальском языке (он ведь все равно знает результаты матча наперед); он разбудит вас среди ночи и сообщит, что тренер Фесала (или Рибейра) не выставил на

игру Винсенте-Марио-да-Сильва-и-Фуэнтэ, и заодно расскажет печальную историю Гарринчи и его двенадцати детей.

Может быть, вам удастся похитить и утопить его транзистор, но тогда он с удвоенной энергией будет комментировать матчи 1/8 финала розыгрыша Кубка СССР за 1953 год.

Средний неболезлищик в такой атмосфере теряет самообладание уже на третьем часу этих воспоминаний и легко провоцируется на разнообразные, но неизменно недозволенные действия.

6. В составе группы не должно быть больше одного менестреля с гитарой.

Это правило растолковывается просто: если вы хотите избежать кровавой междоусобицы, не допускайте соревнования двух акынов. После неизбежного творческого конфликта вы не сможете использовать гитары даже в качестве весел: от них останутся одни грифы. Да и вообще, два гитариста совершенно ни к чему, ибо и один запоем вас до смерти.

При соблюдении этих простых правил успех вашего похода обеспечен. Но даже в коллективе, созданном по всем научным рекомендациям, на первых порах могут появиться симптомы легкой психологической несовместимости, поэтому в заключение еще три совета:

1. Будьте терпимы к собственным недостаткам, которые вы обнаруживаете у других.
2. Будьте нетерпимы к чужим недостаткам, обнаруживая их в себе.
3. Старайтесь сделать свою работу до того, как ее сделают другие.

КАРТЫ

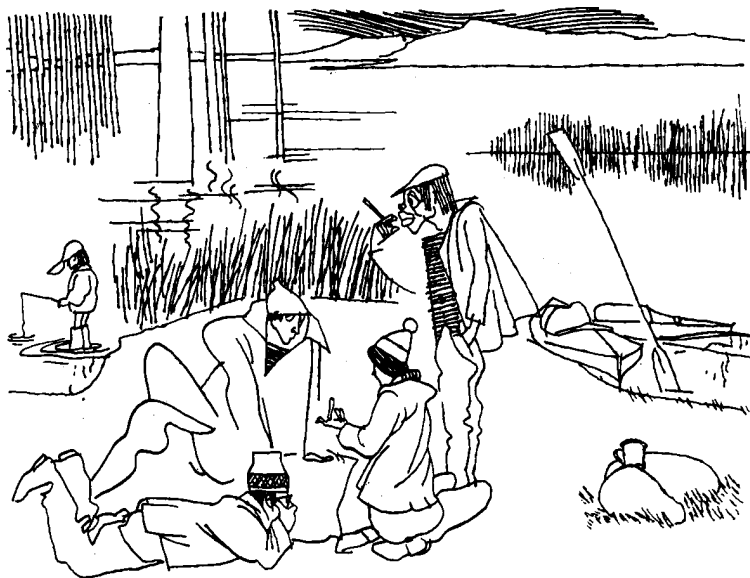
Путешествие без карты невозможно. Даже если вы едете открывать неведомые земли и необитаемые острова. Это знал уже Колумб, пускаясь в таинственные просторы Атлантики. Правда, в доставшемся ему экземпляре Америка была названа Индией. Но разве дело в мелких неточностях?!

Поэтому не стоит тратить время на беспечных безумцев, отправляющихся в байдарочный поход без карты. Они недостойны называться туристами. Лучше поговорить о возможных видах картографического обеспечения экспедиции, распределив их в поряд-

ке, соответствующем их важности.

1. *Политическая карта мира*. Главным достоинством этой карты являются ее размеры (3x4 метра), что позволяет изучать ее одновременно всем членам экспедиции. Для этого нужно расстелить ее на берегу и улечься на ней головами друг к другу.

Размеры позволяют использовать ее и в качестве паруса, если служившее для этой цели полотнище (оно же тент) будет забыто на стоянке или сожжено на костре за непокорность (многократные падения в воду и т. д.). Чтобы превратить карту в парус, ее необходимо наклеить на марлевую основу. Незаменим этот вид карты и для ориентировки в пространстве. Руководствуясь ею, вы никогда не станете оглашать берега жалобным криком: “Где мы?!” Она совершенно точно укажет вам страну, в пределах которой вы находитесь. Но нельзя не отметить и некоторых сложностей, возникающих при пользовании политической картой мира. На ней легко найти Аддис-Абебу, но тщетно вы, расстелив ее на берегу и сталкиваясь лбами, будете три часа ползать на животе в поисках деревни Красиловки. Вы не обнаружите ее. Ни в Южной Америке, ни в Северной Африке.

Вы не найдёте ее и в пределах той страны, где, как неоспоримо доказывает карта, вы находитесь. Увы, там нет даже речки Здвиж, по которой плывут ваши байдарки.

И вряд ли уверенность в том, что вы не пересекли ненароком государственную границу, в достаточной степени компенсирует этот недостаток.

2. *Географический глобус.* Следует сказать сразу: это наглядное пособие, весьма уместное на каравеллах, галионах и фрегатах, создает определенные трудности при пользовании им в байдарочном походе, особенно если диаметр используемого вами глобуса превышает 1 метр. Сидеть на нем не совсем удобно, поместить же его в нос или корму байдарки невозможно. Остается транспортировать глобус на буксире, после чего, однако, очертания материков могут стать несколько расплывчатыми, а река Рио-Гранде-Колорадо настолько приблизится к проходимому вами маршруту, что придется всерьез обсуждать возможность появления крокодилов в родимой Здвижи. Итак, использовать глобус в байдарочном походе следует лишь в самом крайнем случае.

3. *Карта области.* Поиски этой достаточно подробной и удобной карты следует начинать с самых неожиданных мест. Она может оказаться на стене кабинета ученого секретаря научно-исследовательского института или в приемной директора кондитерской фабрики. Но, где бы она ни находилась, ее обязательно скрывают плотные задвижные шторы и атмосфера крайней секретности. Это производит должное впечатление, и вы окончательно понимаете, что отправиться в поход без этой карты совершенно невозможно.

На проникновение за серые шторы уходит от двух до трех месяцев. Это следует учесть и начать наступление заблаговременно.

Главное средство наступления — личное обаяние. Если плацдармом служит кабинет ученого секретаря, то лучше всего свои ослепительные улыбки подкрепить досрочной сдачей отчета о научной работе и внеплановыми выступлениями на теоретической конференции.

В приемной директора лучше всего воздействовать на секретаршу. Издержки наступления и боевые потери бывают весьма значительными.

Нам известен случай, когда за право заглянуть за таинственные шторы было заплачено ценой свободы (холостяцкой) .

Получив доступ к вожделенной карте, не умыкайте ее: через три года ее пропажа обнаружится, и вызванные этим неприятности

испортят вам воспоминания об удачном походе. Но не полагайтесь и на свою память, пытайтесь унести изображение карты в голове. Это удастся только героям детективных романов. Вы перепутаете все географические детали раньше, чем за вами захлопнется дверь кабинета. Лучше возьмите кальку и перенесите на нее интересующую вас реку со всеми близлежащими селениями. Она станет вашей путеводной нитью.

Наклейте ее на плотную бумагу, разрежьте на равные части и сброшюруйте их. В ваших руках окажется книжечка, на каждой странице которой будет отрезок маршрута, равный, скажем, двухдневному переходу. Теперь схема вашего похода совершенно ясна и выражается краткой формулой: “Одна страница — за 2 дня”.

После приобретения заветной “кальки”, подсчитав свои достижения (сданный раньше срока отчет и т.д.) и потери (холостяцкая свобода и др.), вам будет, безусловно, приятно узнать, что карты интересующей вас области продаются во всех магазинах культтоваров города по 22 копейки за штуку.

Настоящий турист, конечно, отвергнет ширпотребовскую карту и будет пользоваться добытой с боями ее копией. Отказаться от нее вас не заставят даже опровергнутые законы арифметики, согласно которым при делении на два получаются не две половины, а одна пятая и четыре пятых. Наметив на “кальке” пределы дневного перехода и точно установив, что половина этого отрезка приходится как раз на деревню Чабаны, а окончание — на село Жучки, вы спокойно отправляетесь в путь и, дойдя до поименованных Чабанов за час с небольшим, делаете долгий веселый привал, теша себя приятной мыслью, что коль скоро пятнадцать километров (по карте) до Чабанов вы проделали за час, то на оставшийся путь до Жучков сорока пяти минут с лихвой хватит.

Увы, эти арифметические пропорции, к которым вы прониклись благодарным доверием еще в пятом классе, в байдарочном походе теряют свою достоверность.

На одном из многочисленных изгибов, за которым (никаких сомнений!) вас ждут Жучки, вы узнаете от рыбака, что до них еще тридцать километров (четыре пятых). Это если плыть по реке. Если же идти пешком, неся на себе байдарку и весь скарб, то село сразу приблизится на двадцать километров. Но разве настоящий турист позволит себе избрать такой легкий путь?!

Кстати, с Жучками и Чабанами при всем при том вам, безусловно, повезло: они оказались на берегу (как и утверждала “калька”!). Вообще же добрая половина прибрежных поселков начинает стремительно разбегаться при вашем приближении.

Зато “калька” честно предупредит вас о мосте, пересекающем реку выше Рябиновки. Растроганные до глубины души такой точностью, вы легко простите “калке” умолчание о пяти плотинах (обносы по восемьсот метров), трех участках непроходимых порогов и восьми зыбучих болотах.

Ваша “калька” доставит вам последнюю радость уже после похода, когда, хранимая вместе с фотографиями и другими документами в коробке с надписью “Здвиж”, она послужит основой для создания туристской схемы с описанием маршрута, которую вы вручите знакомым, решившим пойти по вашим стопам.

4. *Туристская схема.* Это пособие имеет единственный недостаток: оно лишает вас чувства первопроходца и первооткрывателя, предполагая отсутствие мест, где еще не ступала нога туриста. Зато достоинств не счесть. Туристская схема не дает сведений вообще: село Лепиха, перекат, стоянка.

Она заботливо ставит у названия села словечко «мак.» (макаронны), у переката обозначает лучший вариант преодоления его, а стоянку рекомендует потому, что она тянет не менее чем на 84 балла (см. раздел “Стоянка”).

До сих пор не удастся удовлетворительно объяснить, как, имея такое руководство в руках, некоторые туристы умудряются ночевать на коровьих бродах, скальных осыпях и болотных кочках. Очевидно, туристская схема несколько злоупотребляет подробностями, используя в качестве ориентиров такие приметы, как сломанная ветка, коряга у берега, следы на песке...

Но, во-первых, это дает пищу для размышлений об относительности всяких знаний, а во-вторых, — материал для дискуссий с авторами схемы по возвращении из похода. Дискуссий, позволяющих вам скоротать бесконечную безбайдарочную зиму.

ИНФОРМАЦИЯ

Какими бы обстоятельными картами и схемами вы ни располагали, вам все равно придется наводить справки у местного населения. Потому что ни одна карта, даже топографическая, не содержит сведений, преисполненных для вас животрепещущей актуальности: “Да, хлопцы, магазин в Жучках есть, но там третий день Степаненки свадьбу гуляют и поэтому в магазине того-самого нет... А вам разве не то-самое нужно? Зачем же тогда магазин? Плывите, хлопцы, сюда, я вам этой соли хоч два пуда насыплю!”

Информация, которую можно почерпнуть у населения, по способу добычи делится на две категории: береговую и глубинную.

Информация береговая

Школ рыболовов, как известно, существует великое множество. Одни из них учат, что самое благодатное время для ловли рыбы — раннее утро, другие отстаивают жаркий полдень, третьи — часы перед закатом, четвертые считают, что самый жор начинается глубоким вечером. Точно так же существуют различные мнения относительно погодных условий. Есть приверженцы ловли рыбы до, во время и после дождя. Многие придерживаются комфортабельной доктрины, что рыба, как и человек, не любит ненастья, а предпочитает хорошую погоду. Возникают разногласия и относительно силы и направления ветра, высоты берега, красоты ландшафта и времени года. Вот почему практически во всякое время дня и ночи (последнее, разумеется, сказано ради красного словца — см. раздел “Движение”) на берегах любой реки, начиная Узловкой и кончая Голубым Нилом, можно встретить рыбаков. Опыт показывает, что даже в глухой “ненаселенке” рыбаки встречаются не реже чем один раз на четыреста погонных метров. Поскольку рыбаки, как известно, начинены всякого рода информацией, от души советуем использовать этих почтенных людей для уточнения сведений, почерпнутых из карт и схем. Вам сегодня во что бы то ни стало надо дойти до Залещиков, чтобы пополнить отощавший продуктовый мешок хлебом и закупить кончившиеся несколько дней назад сигареты “Шипка”. Ради этого вы решили даже сломать привычный регламент движения и идти днем, в самую жару, чтобы поспеть в Залещики до закрытия магазинов. Да и, кроме того, честно говоря, не мешало бы наверстать километры, потерянные в прошлые дни.

По карте до Залещиков восемь километров. Но карты, как известно, врут, и поэтому вы с надеждой спрашиваете у деда, что

квалифицированно восседает на берегу за внушающей уважение батареей из семи удочек, далеко ли до Залешиков. Ответ почтенного старца наполняет ваши сердца гордостью, ибо оказывается, что до Залешиков всего два километра. Здорово же мы рванули сегодня утром! Километров двадцать за три часа прошли! Ай да мы!

Пропустив двух рыбаков, вы решаете уточнить дедовскую информацию у симпатичного молодого человека, дремлющего над одинокой донкой, и спрашиваете, действительно ли дома, виднеющиеся вон там, у поворота, — это уже Залешики. Парень меланхолично отвечает, что там, у поворота, — Гусенцы, и снова покойно засыпает. Зато теряет покой Адмирал. И осуждать его за несдержанность трудно, так как, судя по всем картам, схемам и описаниям, Гусенцы должны были остаться далеко позади еще вчера, ну, от силы сегодня утром. И вообще от Гусенцев до Залешиков — посмотрите сами — километров тридцать! Черт знает что такое! Парня будят и повторяют вопрос.

— Ей-богу, Гусенцы! — отвечает парень и делает попытку заснуть снова. Но ему это не удастся, потому что вопрос повторяют в третий раз, причем с интонациями, весьма далекими от почтительных.

— Гусенцы же, Гусенцы! — с убежденностью Яна Гуса утверждает абориген.

— А ты, товарищ, сегодня с утра пораньше ничего не принял? — ехидно осведомляется капитан первой байдарки.

— А ты мне подносил? — обижается молодой человек столь решительно, что становится ясно: этот источник информации потерян.

У поворота выясняется, что это и впрямь Гусенцы. Последние робкие надежды, что парень, быть может, напутал, разгоняют две девчущки такого невинного возраста, который исключает малейшие предположения о возможном розыгрыше.

Адмирал с интонациями короля Лира осведомляется, кто добывал эту карту и что, по мнению экспедиции, следует сотворить с этим...

Сразу же за Гусенцами забрасывает спиннинг предельно интеллигентного вида гражданин.

— Это действительно Гусенцы? — обреченно спрашивает Адмирал с видом игрока в рулетку, оставившего в казино все свое состояние, включая закладную на тещин дом, и нашедшего двугривенный в карманах, в которых он шарил в поисках револьвера.

Интеллигент аккуратно скручивает на катушку леску и охотно

поясняет, что на этот вопрос, собственно говоря, однозначно ответить трудно, ибо, с одной стороны, это действительно Гусенцы, но с другой стороны, это село Комбайное, в каковое его переименовали в прошлом году, дабы не происходило ненужной путаницы с Гусенцами, которые находятся выше по реке километрах в двадцати. Но сила традиции, видите ли, велика, и, хотя о вкусах трудно спорить, местным жителям новое название почему-то не очень нравится. Доцентская внешность гражданина исключает всякую возможность фамильярности, и только поэтому Адмирал не выскакивает на берег, чтобы облобызать благодетеля.

— Да, а сколько же все-таки до Залещиков?! — спохватывается кто-то, когда, радостно помахивая веслами, группа отходит от Гусенцов-Комбайного километра на два. Дальнейшие попытки почерпнуть информацию о местоположении Залещиков вкратце сводятся к следующему.

Группа мальчиков: — Не знаем дяденьки!

Три хмурых гражданина, сидящих почему-то к удочкам спиной: — Далеко!

Одинокий рыбак средних лет: — Километров десять.

Старушка, которая свирепо бьет воду мокрой простыней:

— Залещики? Отродясь не слыхивала! Дед с огромным куканом рыбы:

— Не, не клюет! Совсем не клюет! Что? Лещи? Лещей здесь не бывает! Вот сома прошлый год я вот такого чуть не вытасил...

Рыбак с мотоциклом: — Километров пятнадцать.

Рыбак с велосипедом: — Километров двадцать.

Просто рыбак: — Верст (верст!) двадцать пять.

Поскольку все же надо двигаться, решают больше никого ни о чем не спрашивать. И ровно через восемь километров от того места, где начали сбор информации, на левом берегу появляются Залещики.

Информация глубинная

Один-два раза за весь поход возникает необходимость получить основательную информацию, какую у рыбака на берегу не почерпнешь. Даже вытвердивший наизусть рыбацкую энциклопедию Сабанеева любитель не сообщит вам, проходит ли через поселок Штукари поезд Новосибирск-Мытищи, и если проходит, то останавливается ли, а если останавливается, то когда и на сколько. За такого рода информацией приходится выбираться в “глубинку”, то есть в село на берег.

Идти в цивилизацию, понятное дело, никому не хочется. На этот

раз и Адмиралу неохота употреблять власть и поэтому жертва выбирается малоинтеллигентным способом: нехорошей азартной игрой “очко”. По неумолимому закону зловредности тяжкий жребий падает на Кока, который, проявляя естественные качества своей натуры, восемь раз подряд “делает перебор”.

С горя Кок отправляется “в народ”, забыв переодеться, и это обстоятельство становится причиной всех его дальнейших злоключений.

Где брать информацию. Коку объясняли достаточно подробно и вразумительно: надо направить стопы в сельсовет, где должно находиться расписание поездов, следующих через Штукари. Если же расписания не окажется или выяснится, что оно устарело, попытаться из сельсовета или с почты дозвониться в Штукари и выудить у дежурного по станции все необходимые сведения.

Все это Кок твердит про себя, горестно зачерпывая пыль башмаками, разношенности которых позавидовали бы склонные к безудержной гиперболизации клоуны провинциальных цирков начала века. Что же касается платья, которое прикрывало тело Кока, то ему не позавидовал бы и хитровский нищий той же эпохи. Спортивные брюки уже в начале похода были отнюдь не первой молодости, а теперь они состоят в основном из прорех и пропалин, самая большая из которых неоспоримо свидетельствует о том, что плавки Кока ярко-рубинового цвета. Что же касается тельняшки, то она может служить лишь красноречивым конспектом меню всех дней похода, но отнюдь не одеянием.

Экзотичность внешности и острые запахи, источаемые тельняшкой, немедленно привлекают всех окрестных собак, и Кок избавляется от первой (увы, столь незначительной по сравнению с грядущими) неприятности с помощью дрына, счастливо подвернувшегося под руку. Впрочем, в смысле собак Коку больше помогает не его отвага и не суковатая палка, а толпа ребятишек, которые оттесняют отчаянно лающих друзей человека и смыкаются вокруг Кока плотным и также отнюдь не безмолвным кольцом.

Разумеется, подобный эскорт привлекает внимание служащих сельсовета. Секретарь сельсовета, с трудом разогнав пышную свиту, задает чрезвычайно обидный по форме и содержанию вопрос: — Так что же оно украло?

Экспрессия, с которой Кок опровергает секретарский тезис, окончательно укрепляет представителя власти в худших подозрени-

ях, и Кока с помощью доброхотных помощников вводят (назовем это так) в помещение сельсовета.

В результате получасовой беседы выясняется, что этот вызывающе одетый мужчина:

а) отказывается назвать имя, отчество и фамилию, хотя полномочия задавать подобные вопросы ему были предъявлены еще в начале беседы;

б) отказывается предъявить документы, удостоверяющие его личность;

в) на вопрос, зачем пожаловал в село, отвечает, что его интересует расписание поездов; г) и вообще не брит.

Решено гражданина задержать и передать участковому “на предмет”.

К счастью Кока, участковый, который пожаловал довольно быстро (через каких-нибудь два часа), оказывается умным человеком и не только немедленно отпускает Кока, но и снабжает его исчерпывающей информацией (поезд через Штукари не проходит), плюс еще дает совет:

— Вам, ребята, на поезд лучше садиться в Сармах. Там поездов

пять проходит, и все останавливаются. — А как до Сарм добраться?
— Рукой подать. Возвращайтесь вверх по реке — это километров сорок, не больше, а там по дороге километров восемьдесят...

СНАРЯЖЕНИЕ

Начинающий байдарочник, составляя список снаряжения, допускает, как правило, очень распространенную ошибку. Вооружившись бумагой и фломастером и призвав на помощь воображение, которое в этих случаях всегда бывает незаурядным, он начинает творить список нужных вещей. Список еще не доведен и до середины, а во фломастере уже кончились чернила. Поэтому байдарочник спохватывается лишь тогда, когда начинает выводить: “№ 414. Таз эмалированный (белый)”.

Помните, шерпов у вас не будет. Не рассчитывайте и на популярный в недавнем прошлом вариант: “...следом четыре идут великана, двадцать четыре несут чемодана...” Хотя ваши акселераты-дети вполне сойдут за великанов, но чемодан, (даже один!) они, как правило, тянуть отказываются.

Впрочем, совсем без списка вам также не обойтись. Принципы, которые кладутся в основу составления перечня вещей, могут быть разными. Например, по алфавиту: 1. Аптечка. 2. Байдарка. 3. Виноградный сок. 4. Губка... Или по степени важности: 1. Тушенка. 2. Сигареты. 3. Карты (игральные). 4. Жена. 5. Дети... 21. Палатка... 89. Байдарка.

Первоначально составленный список должен быть переписан не менее четырех раз, причем обязательным условием переписывания является сокращение каждого последующего варианта по сравнению с предыдущим вдвое.

Заранее отметьте в списке вещь, которую вы забудете. Это, так сказать, жертва на алтарь бога забывчивости. Иначе вы действительно забудете что-либо важное. Впрочем, скорее всего, так оно и будет, ибо предельность байдарочного похода состоит также и в изобретательных попытках использовать захваченные с собою ненужные вещи вместо оставленных нужных.

Поскольку вам рано или поздно придется прибегнуть к варианту переноски, связанному с затратой мышечных усилий (см. раздел “Доставка к реке и возвращение”), оптимальным является такое количество снаряжения, при котором на каждого участника похода приходится один рюкзак и две свободные руки для транспортировки

байдарки. Согласно приобретенному автором опыту, все, что не вмещалось в рюкзак и упаковывалось (временно) в сумки, авоськи, пакеты и т.п., — все это рано или поздно забывалось или терялось, вызывая запоздалые и напрасные сожаления. Объем снаряжения, равный одному (одному!) рюкзаку, — величайшее достижение эволюции байдарочного туризма. Начинаящему байдарочнику не следует повторять этот извилистый и нелегкий путь: ведь существуют же для чего-нибудь байдарочные аксакалы!

Отсюда возникает первый и единственный закон снаряжения: *бери не то, что нужно, а то, без чего невозможно обойтись!*

Снаряжение байдарочника делится на две категории: личное и общественное.

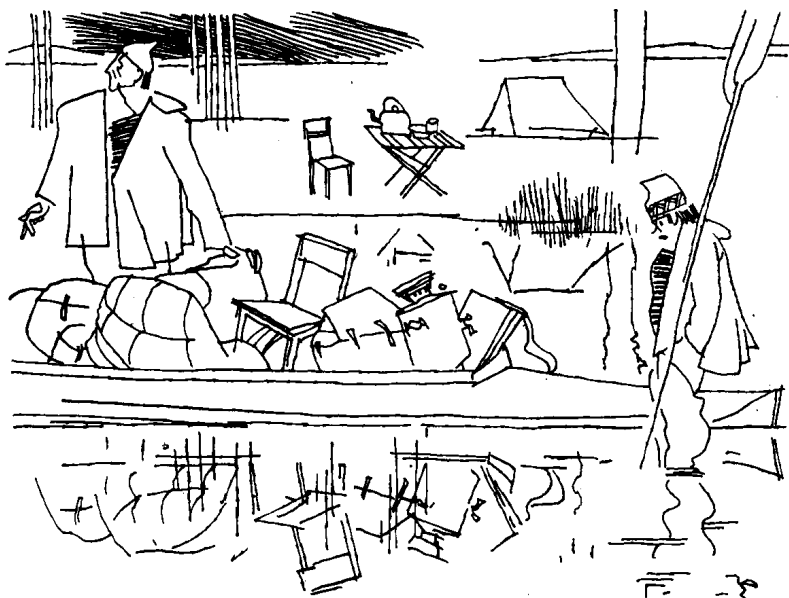
Распределение общественного имущества между байдарками ведется Боцманом, а при отсутствии такового — Адмиралом. Адмирал, конечно, не забудет разделить аптечку между экипажами всех байдарок, дабы никто не был обделен фталазолом, но в то же время не допустит, во избежание фракционных действий, чтобы в одну байдарку попали котелки, гречневая каша и говяжья тушенка.

Вообще, кухонную утварь (котелки, миски, ложки, кружки, ножи, терки, щипцы для орехов и т.п.) удобно хранить в специально сшитом полотняном мешке. Он затягивается сверху веревкой. В целях предупреждения отрицательных эмоций у Врача экспедиции мешок с самого начала должен быть черного цвета.

Продукты для текущего потребления рекомендуем хранить в так называемом расходном мешке, сшитом из двух слоев клеенки. Этот мешок, так же как и спасательные средства, должен укладываться в байдарке Кока на самом видном месте. С одной стороны, он будет постоянно напоминать, кому принадлежит фактическая власть в походе, а с другой — в случае необходимости немедленной эвакуации из байдарки экипаж не потеряет времени на поиски того, что нужно спасать в первую очередь.

В отличие от продуктов питания ремонтный набор может быть уложен в самую труднодоступную часть байдарки и, в идеале, оставаться там до окончания похода. Во всяком случае, от души вам этого желаем.

“Интеллигентные” предметы: солнцезащитные очки, фото- и киноаппараты, сигареты — обязательно прячьте в байдарочных карманах. Из каждого правила бывают исключения. Поэтому, быть может, вам

повезет и брошенные под ноги очки не будут раздавлены, а фотоаппарат утоплен. Но, право, стоит ли рассчитывать на исключения!..

Все нужные на ходу мелкие предметы должны быть привязаны: а) либо к байдарке; б) либо к участникам экспедиции, так как в соответствии с еще не познанными законами природы они норовят удрать от вас, выскакивая за борт.

Часто повторяющееся далее правило, согласно которому все, что может промокнуть, обязательно (обязательно!) промокнет, следует учитывать и при размещении снаряжения в байдарке. Вот почему желательно, чтобы вещи находились в нескольких полиэтиленовых упаковках и все вместе были помещены в один большой пластиковый мешок или мешок из прорезиненной ткани и уж затем спрятаны, вернее, втиснуты в рюкзак. Только это гарантирует вам, что вы ляжете спать в сухой спальник, облачившись при этом в сухой же тренировочный костюм. Если же и эта упаковка не предохранит ваши вещи, то она хотя бы спасет вас от угрызений совести.

Научно-статистическая обработка байдарочного опыта показыва-

ет, что примерно 10% времени ежедневно затрачивается на загрузку и выгрузку байдарки. Какими бы скромными ни были ваши запросы, все равно жестокого противоречия между вместимостью байдарки и объемом снаряжения вам не избежать. Вот почему комфорта в байдарке вы сможете добиться лишь при максимально плотной упаковке вещей и соответственно минимальном количестве тюков.

Но вернемся к вопросу о личном и общественном снаряжении байдарочника и попытаемся дать несколько советов относительно личных вещей, сознавая при этом, что вопрос личного снаряжения — глубоко интимный. Но долой ложную стыдливость! Одежда байдарочника должна быть: удобной, немаркой, нервущейся, немнущейся, негорючей. А самое главное — она должна быть такой, чтобы ее не жаль было оставить на последней стоянке, предварительно закопав в землю.

Для жаркого солнечного дня хорош старый тренировочный костюм с искусно разбросанными по его поверхности прорезами различного калибра, функциональное назначение которых — вентиляция. Для солнцепорных байдарочников нет ничего лучше шорт и рубашки с длинными рукавами. При этом наличие хотя бы одной пуговицы на рубашке обязательно: нельзя выглядеть неряшливым.

В сырой, ветреный и дождливый день ничто не заменит вам штормовки (избегайте при этом современных замков: в суровых походных условиях эти молнии беспрестанно будут вызывать гром вашего негодования; запомните: нет ничего лучше пуговиц!).

В качестве вечернего туалета рекомендуем джинсы из толстой и огнеупорной ткани. В таких джинсах хорошо сидеть на острой, с рваными краями консервной банке либо на отскочивших от костра угольках. И, конечно, венец вашего личного снаряжения — толстый и теплый свитер, связанный заботливыми руками любимой женщины.

Наденьте все это в произвольном сочетании, пройдитесь, повернитесь... Очень хорошо... Складки живописны, кое-где морщит, но нигде не тянет, ничто не стесняет движений и не сковывает инициативы. Особенно мил кокетливый головной убор — старый берет цвета, не укладывающегося в интервал волн видимой части спектра. Берет защищает вашу голову: днем — от солнца, ночью — от холода. Кроме того, он же оберегает ваши руки от жара металлической кружки с кипятком, ноги — от крапивы. А еще, скажем по секрету: лучшего приспособления для отдраивания закопченного котелка с остатками пригоревшей манной каши не придумать!

Обувь. Жаль, конечно, расставаться на целых три недели с новыми лакированными туфлями. Но вы их все же отставьте в сторону. Что же надеть? Вот эти кеды? Да, да, эти самые! Говорите, на кедах прорехи: из одной любознательно выглядывает большой палец, а из второй почти целиком торчит пятка? Это именно то, что нужно. Настолько “то”, что если бы этих прорех в кедах не было, их следовало бы сделать. Именно в таких кедах хорошо ступать по каменистому дну, а также вытаскивать лодку на кряжистый берег: вода из этих естественных отверстий будет выливаться без малейшей задержки.

Можете спрятать в рюкзак и вторую пару обуви, поновее. Хотя шансов на то, что вам придется к ней прибегнуть, немного, но на случай ненастной погоды ноги все же лучше держать в тепле и сухости.

Вообще имейте два комплекта носильных вещей: во-первых, в чем-то надо все же возвращаться из похода; во-вторых, внезапный ливень промочит не только ваши кеды, но и скудное одеяние. Лезть же в спальник в мокром тренировочном костюме не стоит — байдарочник и так достаточно времени проводит в интимной близости с водой.

Спальные принадлежности. Точки зрения на сон у различных байдарочников колеблются в следующих пределах: а)если уж в походе не выспаться... б)сон — явление вынужденное, вызванное недоработкой в вопросе ночного освещения рек.

Итак, независимо от вашей точки зрения, спать вам все же придется. Поэтому берите с собой спальные мешки из расчета один мешок на одного человека (в среднем). Если в спальном мешке будет еще и вкладыш, то вам гарантирована высшая степень комфорта, граничащая с мелкобуржуазным перерожденчеством.

Чтобы не находиться в униженной зависимости от наличия либо отсутствия в прибрежной полосе стогов сена, захватите с собою надувные матрасы. Они, кстати, относятся к наиболее универсальным предметам туристского снаряжения. На матрасах спят, на них загорают — на берегу и на плаву; наконец, они замечательно помогают вам скоротать время на ненастных дневках: поставить латку на прохудившийся матрас — дело, требующее крепкой руки, точного глазомера, терпения и, главное, большого количества свободного времени.

Наверняка пригодится вам в походе фонарик (хорошо бы с батареей). Нелишним окажется и старенький транзистор, наиболее ответственные жизненные центры которого рекомендуется залить парафином — это позволит ему продержаться до первого купания.

Деньги и паспорта (без первых ехать, безусловно, не стоит, а

документы иметь тоже не лишнее дело) храните в наглухо заваренной пластиковой обертке — условие обязательное. В противном случае в конце похода вы обнаружите, что заветные двадцать пять рублей, отложенные на обратную дорогу, превратились в слипшийся комок.

РЕМСОВЕТЫ

Байдарка образуется в результате причудливого сочетания трех субстанций, физические, химические и моральные свойства коих до конца не познаны. Они лишь приблизительно могут быть обозначены по аналогии со встречающимися за пределами похода материалами: прорезиненная ткань, пластмасса, металл, дерево. Как видно, байдарочных субстанций не меньше, чем тех, из которых состоит человек (за подробностями отсылаем читателя к Аристотелю). Поэтому, как и у человека, у байдарки бывает и насморк, и радикулит, и (тьфу-тьфу-тьфу!) переломы, и разного рода бытовые травмы. Вот почему, отправляясь в поход, следует подумать и об аптечке для байдарки, о ремонтном наборе.

В ремонтном наборе должно быть все, чтобы поддерживать перечисленные выше субстанции в первоначальном виде либо возвращать их в оный. Прежде всего следует подумать о прорезиненной или пластмассовой оболочке вашего судна, о “шкуре”, как ее именуют в просторечье. О, это предмет, достойный и заботы, и нежности, и внимания! Потому что “шкура” — наиболее ранимая часть байдарки, ибо отделяет байдарочника от окружающей, нередко враждебной среды и самоотверженно принимает на себя практически все виды ударов ветреной туристской судьбы. При этом байдарочник всегда помнит, что если с любого человека, даже с Адмирала, можно снять семь шкур, то у байдарки “шкура” всего одна. Вот почему уже где-то с середины похода настоящий байдарочник начинает ощущать байдарочную “шкуру”, как свою собственную, и если вечером, глядя на мигающие угольки костра, он озабоченно говорит: “Что-то у меня сегодня в левом боку закололо...” — не торопитесь призывать Доктора, а ступайте вместе с коллегой осматривать соответствующее место его “занемогшего” судна.

Как правило, “шкура” чаще всего повреждается там, где она прилегает к продольным элементам байдарочного набора — стрингерам. Поэтому байдарочные аксакалы рекомендуют перед началом похода проклеить “шкуру” вдоль указанных мест резиновыми полосами. И нам остается только склониться перед мудрым величием

этого совета. Можно добавить, что во время похода следует ежевечерне ревизовать состояние байдарочного днища, а во время дней не жалеть времени на его профилактический ремонт.

При легких повреждениях “шкуры” (непроникающих ранениях, как выразился бы экспедиционный Доктор) достаточно наложить заплату на место повреждения, соблюдая при этом простые, но жесткие требования резино-клеитальной науки. При сквозных проколах заплату следует ставить с обеих сторон “шкуры”. И наконец (не о байдарке читателя пусть будет это сказано), на разрывы “шкуры” перед проклеиванием следует наложить швы.

Все сказанное обуславливает первые обязательные ингредиенты ремнабора: а) резина для заплат; б) резиновый клей; в) наждачная бумага для зачистки операционного поля; г) бензин для его стерилизации; д) нитки суровые (желательно очень суровые); е) игла с названием неизвестной этимологии – “цыганская”; ж) наперсток; з) ножницы.

Вряд ли стоит напоминать, что наличие каждого из предметов этого перечня в ремнаборе строго обязательно. Отсутствие ниток заставит вас распустить нежно-голубой женин свитер, а отсутствие ножниц принудит вас вырезать заплату антикварной бритвой “Золлинген”, выпрошенной у Адмирала ценой унижений и лести. Металлические части байдарки изнашиваются меньше, чем ее оболочка. Тем не менее известны факты, когда целеустремленный байдарочник, безошибочно выбирая единственно непригодное место на широком фарватере, превращал металлические конструкции байдарки в нечто, для описания чего выражение “свернуть в бараний рог” следует употреблять лишь с обязательным добавлением “мягко говоря”.

Ремонт металлических частей байдарки особых сложностей не представляет.

Поломаные шпангоуты заменяются новыми, сделанными из подходящих заготовок на трубогибочном станке.

Утерянные замки стрингеров ничего не стоит выточить заново на токарном станке. А остальные детали вы быстро изготовите на фрезерном.

Однако поскольку они вряд ли могут оказаться в походном ремнаборе, то их следует заменить иными инструментами, как-то: и) острый складной нож с шилом и отверткой (можно и со штопором); к) небольшой молоток; л) напильник; м) ножевичное полотно; н) пассатижи; о) пинцет; п) несколько кусков толстой алюминиевой проволоки для заклепок; р) несколько винтов с гайками МЗ и М4; с) клей БФ-2, ПВА или “Суперцемент” (возможны варианты); т) разумное количество гвоздей разнообразного диаметра и длины, начиная от сапожных и кончая такими, из которых при желании можно сотворить крючок на акулу; у) все иное, что не попало под рубрику “а”- “т”.

Ну и, конечно, веревки различного сорта и длины. Полагаем, что Осип из гоголевского “Ревизора”, воскликнувший: “И веревочка в дороге пригодится!” – несомненно принадлежал к когорте байдарочников первой половины XIX века. Потому что только настоящий байдарочник знает истинную цену веревочке. Веревкой скрепляют металлический каркас байдарки, когда все остальные средства для его скрепления поломались или потерялись. Веревкой привязывают байдарку на “перекусе” к первому попавшемуся кусту (через десять минут выясняется, что байдарка едва видна, а куст плывет впереди судна и, кажется, даже тянет его за собой). Веревкой скрепляют в одно целое снаряжение и байдарку (см. раздел “Кое-что о безопасности”). Веревкой завязывает Завхоз родимое детище — продуктовый мешок. Именно с помощью веревки в кратчайший срок излечивается походный радикулит (см. раздел “Байдарочник на бюллетене”).

И наконец, ремонт деревянных частей байдарки, который из всех вариантов байдарочного рукотворчества требует наименьшей сноровки. Опыт показывает, что квалификация краснодеревщика пятого разряда оказывается вполне достаточной для ремонта кильсона “Салюта”.

Если же новичок не имеет абсолютно никакого ремонтного опыта, то скромно посоветуем ему: в суровых походных условиях обломки дюралевых трубок проще всего соединить при помощи выструганных деревянных втулок или деревянных же накладок соответствующей

формы (их приматывают к металлическим деталям проволокой, ремнем, шнуром или, в крайнем случае, обычной веревкой).

Не помешает перед походом покрыть деревянные детали “Салюта” лаком или каким-либо иным действительно водоотталкивающим составом. Известная лакировка, возможно, предохранит дерево байдарки и наверняка репутацию капитана байдарки от подмокания.

Если ремонт байдарки чем-либо и выделяется на фоне звонких будней похода, так это тем, что он стремительно возносит на эльбрусскую высоту экспедиционного Механика. Прозябший до этого на третьих ролях Механик уже не путается, как раньше, под ногами экспедиционного начальства — Адмирала, Завхоза, Врача, — а становится фигурой центральной и, следовательно, несколько таинственной. По его отрывистым и суровым командам все члены экспедиции готовят операционный стол — чистую, сухую и ровную поляну, застилают ее вымытым полиэтиленом, водружают на нее байдарку, а затем, отосланные велением руки Механика на возможно более далекое расстояние, робко высовывают головы из-за кустов, следя за Процессом.

Весь ушедший в созерцание “больной” байдарки Механик описывает вокруг нее круги, бормоча под нос специфические термины и по-шамански размахивая руками. Эти пассы повергают созерцателей в подавленно-благоговейное состояние. Ужас от сознания неисправимости происшедшего постепенно охватывает всех, и даже герой-Адмирал срывающимся голосом вопрошает: — Хоть что-нибудь сделать можно? — Что-нибудь всегда сделать можно.... — загадочно отвечает Механик.

Единственный человек, допускаемый в операционную, это Костровой. Вообще-то говоря, в табели о рангах Костровой стоит выше Механика, но тут он суетливо бегает вокруг операционного ложа под истерические вопли умельца:

— Молоток! Напильник! Гвоздь! Что ты мне тащишь? Ты бы еще шпагу приволок! Клей быстро! Как забрал Доктор? Что?!! Царапины замазывать? Пусть замазывает слюной... Да не своей, а то отравит!

Доктор из-за кустов пытается гальванизировать свой быстро падающий авторитет, давая советы:

— Не клей грязными руками — держаться не будет! Йодом оботри!

Но вот ремонт закончен. Для проверки байдарку ставят на воду и затем осторожно и постепенно загружают багажом, следя

внимательно, не появятся ли на дне роковые струйки. Когда же в конце концов в байдарку втискивают Завхоза с продуктовым мешком и дно байдарки остается сухим, как песок Каракумов, Механик снова отходит на второй план, с тем чтобы затаенно ждать своего часа.

ЗАКУПКА ПРОВИАНТА

Именно здесь — в правильной и четкой организации закупок продуктов — лежит львиная доля успеха байдарочного похода. (Честно говоря, пишущий этот раздел не знает, какая там именно доля положена льву, да и не собирается об этом узнавать, поскольку он убежден, что успех целиком и полностью зависит от продуктового обеспечения, а все остальное — попросту ерунда.)

Вся многообразная и предельно хлопотливая деятельность по закупке продуктов возглавляется Завхозом. Несмотря на столь прозаическое наименование, в табели о рангах Завхоз стоит лишь чуть-чуть ниже Адмирала. Да и то можно увидеть, как Адмирал суетливо выполняет краткие и властные распоряжения Завхоза, а в то же время на льстивое (да, именно льстивое!) канюченье Адмирала, вымаливающего у Завхоза вненормативную банку сгущенки, Главный Хранитель Продовольствия и ухом не ведет. И правильно делает, ибо твердость характера — главнейшее из качеств, какие должны быть присущи Завхозу. Главнейшее, но не единственное. Потому что Завхоз должен еще обладать памятью профессионального разведчика. Попробуйте запомнить, в чьей байдарке, в чьем рюкзаке и в каком количестве хранятся продукты пятисот четырех наименований! И еще: Завхоз должен считать, как ЭВМ, и в сотнях ячеек своей памяти держать данные о количестве каждого из продуктов и по каждому из них учитывать расход и приход при попутных закупках.

И конечно же, Завхоз должен обладать неисчерпаемыми запасами обаяния (шарма), красноречия и оптимизма. Первые два качества необходимы для того, чтобы уговорить продавщицу, разбуженную в половине двенадцатого ночи (в село с магазином предполагали добраться еще засветло, но третья байдарка пропоролась), продать хлеб и два килограмма макаронных ушек.

Оптимизм же Завхозу необходим для того, чтобы окончательно не потерять веру в человечество. Потому что легко, очень легко решить, что *homo sapiens* если чем и отличается от остальных приматов, то лишь во много раз более неумным аппетитом.

Увы, подобных гибридов-завхозов не бывает. Более того, приро-

да, столь богатая на выдумку в проявлении человеческих характеров, здесь стала непонятно скупой и сотворила лишь два полярно различающихся типа Завхоза.

Один из них рубаха-парень, балагур и весельчак. Первые шесть дней похода вы от него без ума. Кок смотрит на балагура влюбленными глазами, ибо столь широких и безотказных возможностей для проявления своего незаурядного мастерства у него еще никогда не было. И прочие участники похода дарят Завхоза бурной любовью, потому что кормят их так, как не смогла бы этого сделать и теща, к которой вы впервые приехали погостить с молодой супругой. К исходу первой недели выясняется, что до конца похода остается девятнадцать дней, два килограмма ржаных сухарей и три пучка сухой петрушки. А до села Падь, в котором, может быть, есть ларек (а скорее всего, нет), надо плыть еще девяносто километров.

Второй тип Завхоза эмоционально (да и интеллектуально) тоже несложен. Это сквальга. Перед началом похода, когда на монтажной площадке кипит работа по сборке байдарок, Завхоз-сквальга вынимает заранее припасенный мешок и складывает в него все продукты (жестяные банки внизу, стеклянные — повыше, еще выше — мешочки с крупой и, наконец, на самом верху — лавровый лист и вермишель). Отныне вся деятельность и все помыслы (нет, почему тайные? Абсолютно явные!) Завхоза-сквальги поглощены лишь одной страстью: довести мешок до конца похода в полной неприкосновенности. Надо ли говорить, что, пока Завхоза поглощает эта страсть, участники похода не поглощают практически ничего.

Однако сохранить мешок в абсолютной неприкосновенности Завхозу не удастся. Время от времени мешок приходится развязывать. При этом на физиономии Завхоза отражаются такие нечеловеческие муки, что у сентиментальной части экипажа на глазах выступают слезы. Тем не менее чувствительность не мешает туристам гневно вопрошать за трапезой.

— Почему эта хорошо прокипяченная и, кажется, даже дистиллированная вода, в которой по недоразумению плавает одна макаронина, называется макаронами по-флотски?

Продолжать далее Завхоз обычно не дает. Перебив вопрошающего, он начинает нудным голосом читать на память (а память, как мы знаем, у него отменная) наиболее жуткие страницы из книги профессора Покровского “Ожирение”. Если проф. Покровский не помогает. Завхоз отставляет миску с аскетическим блюдом в сторону

и с интонациями, которым позавидовал бы великий трагик Томазо Сальвини, начинает обличать весь экипаж от Адмирала до малолетки юнги в тунеядстве, обжорстве, патологической жадности и во многих других пороках, которые здесь даже не хочется вспоминать.

Тем не менее если вам придется выбирать между этими двумя типами завхозов, то решительно останавливайтесь на втором. Только в этом случае из похода вернутся умеренно похудевшие и окрепшие туристы, а не тени-дистрофики, качающиеся от слабого утреннего ветерка. Тем более что у вас в запасе имеется один блестящий рецепт, который позволяет если не полностью обуздать плюшкинские наклонности Завхоза, то по крайней мере ввести их в разумные рамки. И всего-то надо объединить в одном лице Завхоза и Кока. И это будет тот самый случай совместительства, о котором можно только мечтать. Ибо естественное желание Завхоза доставить в конечный пункт похода продукты в полной неприкосновенности будет нейтрализоваться стремлением Кока явить свое искусство в полном и достойном его поварской славы блеске. Правда, к концу похода Завхоз-Кок начинает страдать раздвоением личности и становится убежденным мизантропом, но эти болезни (особенно первая) быстро проходят.

После такой преамбулы необходимо сформулировать некоторые важные правила. Первое из них: *перечень продуктов должен быть строго продуман*. От такого утверждения веет унылой банальностью, но необходимость продумывать продовольственные закупки при этом все же не исчезает.

Прежде всего, не полагайтесь на ваши домашние вкусы и аппетиты. И то, и другое в походе полностью изменится. Потому что ваш супруг, который дома сатанел от одного вида перловой каши. на маршруте будет уписывать этот продукт (да еще в странном сочетании с килькой в томате) с непонятной и даже пугающей скоростью. Но, с другой стороны, не стоит ориентироваться на этот безусловно и априорно громадный аппетит, ибо, как говаривал один наш знакомый Завхоз: “Съесть можно и слона!”

Естественное стремление обеспечить себе душевный комфорт, несомненно, приведет неопытного Завхоза к идее закупить сразу все необходимые продукты. В этом стремлении его укрепят те острые и гневные стрелы, которые сыплются с газетных страниц на сельскую потребительскую кооперацию. И тем не менее можете быть абсолютно уверены: в какой бы отдаленный (медвежий, заброшенный, богом

забытый — ненужное зачеркнуть) уголок вы ни забрались, ручаемся: макароны, крупа, сахар и карамель “Взлетная” найдутся там непременно.

Не станем давать советов относительно ассортимента и количества заготавливаемых продуктов. Предоставляем неопытным Завхозам самим пройти нелегкий путь проб и ошибок: нажитая на этом пути мудрость будет куда полезнее, чем рафинированная, книжная. Хотим только предостеречь оптимистов (будут и такие!), которые возлагают слишком радужные надежды на подножный корм: дескать, рыбу, какую мы наловим, нам всю и так не съесть, а картофель для ухи — неужели на окрестных берегах не накопим?!

Считаем необходимым со всей категоричностью заявить: во-первых, рыбная диета наскучит вам к исходу второго дня; во-вторых, напоминаем, что в большинстве местностей молодой картофель колхозники не копают, совершенно справедливо считая это баловством. Если же вы решитесь стать на скользкий путь картофельного браконьерства, то учтите, что судьей может вам быть не только бог.

На провиант в большей степени, чем на что-либо другое, распространяется закон: *все, что может промокнуть, промокнет*. Но стоит ли говорить, что коль скоро промок спальник, то вы высушите его на костре, поплатившись за это двумя-тремя подпалинами. Макароны же, хотя бы раз побывавшие в воде, в дальнейшем можно употреблять лишь при великом гладе либо при столь же великом энтузиазме. До первого доходить не стоит. Что же касается второго, то, право, его лучше направить на дела более благородные и полезные, чем поглощение слипшихся и абсолютно неразвариваемых макарон. Вот почему незыблемым является следствие из только что процитированного закона: *все продовольствие должно быть завернуто в надежные полиэтиленовые мешочки*. Исключение из этого правила может быть сделано лишь для сала и подсолнечного масла. Но чтобы не перегружать свою память исключениями, упаковывайте в пластиковые мешочки и эти “непромокаемые” жиры.

Второе правило хранения закупленных и транспортируемых продуктов также вытекает из общеизвестного закона: *все, что может быть разбито, разобьется*. Поэтому подсолнечное масло, сухое вино для празднования именин и других событий, спирт для аптечки и жидкость от комаров упаковывайте в полиэтиленовую тару.

Одно небольшое, но важное замечание относительно подсолнечного масла. Дело в том, что фляга с этим ценным продуктом будет

протекать. С каким бы кряхтением и стенанием вы ни закручивали пробку пластмассовой фляги, масло просочится через нее с такой же неизбежностью, с которой день сменяется ночью. Выход здесь лишь один: сделать под пробку резиновую прокладку или залить пробку свечным парафином. Средство не ахти какое надежное, но все же какую-то страховку оно дает. Не от вытекания масла, нет. Просто когда вы обнаружите, что фляга пуста, вы сможете жарить рыбу на парафине. Если же кто-либо из туристов-юмористов заметит, что рыба отдает церковными свечами, это будет означать: Адмирал не сумел в этот день дать экипажам должную нагрузку либо Кок оказался не на высоте.

ДОСТАВКА К РЕКЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

Прежде всего, конечно, о доставке. Этот процесс состоит из нескольких этапов, и каждый заслуживает упоминания.

1-й этап: билеты. Собственно говоря, более точное название этого этапа звучит загадочно-элегически и очень подошло бы для нового романа Франсуаза Саган “Билеты в июле”.

Билеты в июле, билеты в июле! Если быть точным, то следует говорить “Железнодорожные билеты в июле”. А это уже не Саган. Это уже Аркадий Райкин и Григорий Горин. Но если выражаться совсем точно, то название этого этапа звучит по-бухгалтерски скучно: “Одиннадцать железнодорожных билетов в июле до станции Шамары: девять взрослых, два детских, плацкартные, на поезд № 113”. Впрочем, скучным это может показаться лишь безответственным эстетам, а для того, кто хотя бы раз в жизни глотнул железнодорожно-билетной лирики, звучит более чем благозвучно и, главное, многозначительно.

На одном из собраний, предшествующих выезду, выбирается Экспедитор, который отныне должен заниматься всеми проблемами, касающимися доставки группы к воде и отъезда с оной. Экспедитор принимает возлагаемый на него сан беззаботно и даже с известным чувством удовлетворения. Во-первых, он всегда любил что-нибудь и кого-нибудь организовывать. Во-вторых, согласитесь, куда как благороднее и чище покупать билеты, чем бегать по окрестным магазинам, разыскивая курагу, без которой Кок не желает, видите ли, ехать. В-третьих, Экспедитор знает один секрет, который делает проблему билетов простой, как покупка спичек: вчера он раздобыл телефон бюро заказов железнодорожной станции и теперь свысока глядит на плебеев, для которых добыча билетов является проблемой. В-

четвертых, у Экспедитора есть дядя Сева, который может все. И этот мощный резерв наполняет сердце Экспедитора уверенностью. — Ровно за десять дней до выезда Экспедитор, придя с работы, небрежно бросает жене:

— Машенька, грей обед, а накрывать на стол, ты меня извини, я не смогу! Мне тут по поводу билетов звякнуть надо.

Разогретый борщ давно подернулся плотной коркой затвердевшего жира, а Экспедитор продолжает яростно набирать номер бюро заказов и слышит в ответ мерные, но отнюдь не убаюкивающие частые гудки. В половине восьмого, когда большая часть конкурентов отпадает, будучи отвлечена транслирующимся по телевидению матчем с командой Сингапура, страдалец наконец прорывается, казалось бы, в недостижимое бюро.

— На шестое июля, поезд № 113 до Шамар! — выпаливает обрадованный до невозможности Экспедитор.

— На 113-й билетов нет, — радуется его невидимая красавица из бюро. — Берите на 115-й. — А когда он приходит в Шамары? — Бюросправочнедает... — Давайте на 115-й! — Есть только общие...

— А купейных нет? — задает глупый вопрос Экспедитор. — Будете брать гражданини билет?

— Буду!!!

— Сколько? — Одиннадцать!

— Гражд-да-нин! Бросьте шутить! Я на ра-бо-те! — Ей-богу, одиннадцать! — Бога нет! Ту-ту-ту...

Этим атеистическим заявлением завершается ваша, скажем прямо, безответственная попытка “выдурить” из бюро заказов 11 (одиннадцать) билетов на поезд в июле.

Не будем давать рецептов, как и где раздобыть вожаделенные одиннадцать билетов. Каждый в данном случае поступает по своему разумению и по своим возможностям. И по своей совести.

Должны, впрочем, предупредить, что способ, рекомендованный в разделе “Карты”, здесь не проходит, ибо в июле на железнодорожных кассирш не могла бы подействовать даже дружная компания, состоящая из Грегори Пека, Вячеслава Тихонова и Юрия Никулина.

В описываемом случае оказать действие может лишь массированный налет на железнодорожные кассы с нескольких сторон. Причем первую группу джентльменов удачи возглавляет пресловутый дядя Сева (пять билетов). Вторая группа воительствует под руководством председателя месткома, которого ценой лести, густо замешанной на

слезах, удастся подбить на злоупотребление служебным положением (четыре билета). Еще два билета берутся в день отъезда с бою. Последнее слово использовано здесь в его изначальном (первобытном) смысле.

2-й этап: квартира — подъезд. При упаковке и увязывании отобранных для похода вещей вы столкнетесь с загадочным явлением: собранные и упакованные, они занимают объем, во много раз превышающий сумму объемов каждого из предметов в отдельности, что повергает пакующих в состояние глубокой прострации и полного безразличия к жизни. Вот почему крайне важно, чтобы Экспедитор был полностью освобожден от всех манипуляций с упаковкой, ибо сейчас ему предстоит проявить бешеную энергию и нечеловеческую смекалку — качества, как известно, не совместимые с разочарованием в жизни.

Нет, особых неприятностей багажные тюки не приносят. Как и положено, три из них не пролезают в двери, а два, завязанные особенно истово, рассыпаются при первой же попытке взвалить их на плечи. Но всё это пустяки, ибо впереди неизбежно ждут две основные неприятности данного этапа.

Первая из них обрушивается на вас немедленно. Ибо после третьего рейса в плотно забитом лифте* на площадке шестого этажа вы сталкиваетесь с восходящим пенсионером Висковатым, который, распалая себя воинственными кликами, поднимает на вас руку с накачанным “козлом” бицепсом. Едва вы успеваете извиниться за невольную задержку лифта, как на помощь Висковатому с девятого этажа скатывается мамаша, толкающая впереди себя коляску с орущим младенцем.

Оставшиеся шестьдесят два узла вы стаскиваете без помощи лифта. И в тот самый момент, когда все тюки выстроились у подъезда, ваш сосед из 74-й квартиры подкатывает сюда на крытом фургоне с полным комплектом югославской столовой. Оттащить вашу поклажу нет никакой возможности. И поэтому вам приходится перетаскивать соседову мебель на руках (грузчики, увидев баррикады, развернулись и уехали, увезя с собой задаток), цепenea от мысли, что при таком

---

* Кстати, почему газеты столь безответственно провозглашают рекордсменами студентов Иллинойского университета, которые сумели в количестве 22 особей втиснуться в телефонную будку? Надо будет когда-нибудь пригласить корреспондента посмотреть на процесс загрузки лифта туристами.

способе перетаскивания и при вашей грузчицкой квалификации поставить царапину — пара пустяков. Но все обходится благополучно.

3-й этап: подъезд — вокзал. Если живописать даже кратко все злоключения, какие приходится претерпевать на этом этапе, то выйдет столь объемистое повествование, прочесть которое будет не под силу самому терпеливому читателю. Кроме того, даже самого уравновешенного из них к середине повествования начнут душить рыдания. Поэтому ограничимся кратким изложением способов, испробованных нами на практике.

Перво-наперво вы прибегаете к наиболее очевидному решению, которое, как все очевидные решения, оказывается и самым ошибочным. Вы заказываете грузовое такси. Вернее, вы пытаетесь заказать грузовое такси. Ибо по телефону заказы на этот вид транспорта не принимают. А когда вы добираетесь до диспетчерской, ведающей грузовыми таксомоторами (удобно! выгодно!, оказывается, что заказы принимаются лишь на конец сентября. Кроме того, за машиной надо явиться в парк (поселок Луговое, ехать электричкой до 52-го километра) до выезда машин (6.30 утра). Да, а вам, товарищ, собственно, куда ехать?

На вокзал?.. Внутригородскими перевозками занимается Гортрансагентство.

В последнем вам с древнеримской категоричностью заявляют, что с частными лицами дела не имеют.

— Принесите, гражданин, оплаченную квитанцию мебельного магазина, тогда и будем говорить! Не мебель? Что же вы тогда перевозите? Что значит “разное”? Молод ты еще рубить!

Каким-то малопонятным образом вы все же вымалываете грузовое такси, и на первый раз как будто бы все сходит благополучно. Но вы зарекаетесь в будущем прибегать к этому виду сервиса. И правильно делаете.

На следующий год вы заранее умасливаете сослуживца, ставшего недавно счастливым владельцем “Запорожца” и еще не успевшего выработать иммунитет против назойливых попрошайек. Владелец “Запорожца” — человек слова и лишь поэтому делает девятнадцать рейсов, но здороваться с вами после этого перестает. Его поддерживает добрая половина отдела, которой он, конечно в самых общих чертах (человек он все-таки благородный), рассказал о своих злоключениях.

В третий раз вы выходите дозором под ближайший магазин и

пытаетесь склонить шофера, доставившего ящики с тонизирующим напитком “Саяны”, к преступному деянию путем посулов взятки лицу при исполнении служебных обязанностей. Иногда это удается, чаще — нет. Но даже в случае удачи вам приходится пережить немало неприятных минут. Сначала вы выслушиваете комментарии шофера, покрывшегося холодной испариной при виде багажа, который ему предстоит перевезти. Затем вы замечаете вышедшего из подъезда и наблюдающего с интересом за процессом погрузки пенсионера Висковатого и вспоминаете его граничащую с гениальностью одаренность по части писания кляуз и анонимок. Ох, до чего ж неприятно чувствовать себя лицом, втягивающим другое лицо в преступное деяние!

Лишь приходящая рано или поздно Высшая Байдарочная Мудрость приводит вас к единственно правильному решению. С помощью челночных переездов (дом - остановка автобуса, остановка автобуса — станция метро и, наконец, далее на метро до нужного вокзала) вы за каких-нибудь четыре часа перевозите всю поклажу, затратив, конечно, максимум физической энергии, но зато минимум моральной (что дороже, говорить не приходится) и, что, в общем, тоже немаловажно, минимум средств.

4-й этап: погрузка в поезд. Пока все идет, как в хорошей классической драме: с каждым актом трагедийность нагнетается все больше, а узел событий завязывается все туже. Вот почему не приходится удивляться, что и здесь, в драме доставки, каждый последующий этап оказывается куда сложнее предыдущего. Впрочем, ее кульминацией является этап погрузки в поезд, сопровождающийся поистине шекспировским накалом страстей. Именно на этом этапе вас ожидает Самая Главная Трудность Доставки. И о ней придется поговорить подробнее.

Нам приходилось грузиться в поезда самых разных категорий — от фирменных экспрессов до узкоколейных “ящеров” — и на разных меридианах и параллелях, но реакция проводников на эту погрузку всегда колебалась в очень узких пределах: от резкого и активного негодования до бурного и опять же активного протеста.

Винить честных тружеников железнодорожного транспорта не следует. На их месте вы поступали бы точно так же. Посудите сами, какой еще реакции вы можете ждать от проводника, узревшего сужающийся в далекой перспективе ряд тюков различной габаритности?

Самое обидное, что если вы и преступаете “Правила пассажирских и грузовых перевозок”, то, право, на самую -малость. Эти правила позволяют каждому пассажиру перевозить 36 килограммов “ручной клади” в вагоне и до 50 килограммов со сдачей излишков в багажный вагон.

Опыт показывает, что если бы вы даже организовали байдарочный переход по маршруту мыс Шмидта – Северный полюс – Гренландия — Шпицберген, то и в этом случае вам не удалось бы набрать груза по 50 килограммов на нос. Но тот же опыт показывает, что даже в случае двухнедельного похода на речку Бродовку вес вашего снаряжения все же превышает законные 36 килограммов.

Будем откровенны до конца: габариты тюков, куда упакованы металлические и деревянные части байдарок, тоже вступают в противоречие (хотя и небольшое) с грозными “Правилами”.

Напрашивается простой и на первый взгляд даже элегантный способ разрешения этих противоречий: вы сдаете байдарки в багажный вагон и следуете до станции назначения, честно и смело глядя в глаза и проводнику, и бригадире поезда, и поезвному контролеру. Закон вы не преступили! Но уже не раз говорилось, что самые очевидные решения еще не самые правильные. Нам известно несколько случаев, когда байдарочники, уступив в неравной борьбе проводникам, понуро волокли байдарки в багажный вагон и проводили бессонную ночь, ожидая грядущих неприятностей. И тяжелые предчувствия их не обманывали.

В большинстве случаев вы получаете на станции назначения тюк, который по весу точно соответствует обозначенному в багажной квитанции. Но уже внешний вид упаковки повергает вас в состояние глубокого уныния. Ибо сдавали вы прямоугольную призму, а выдают вам усеченный конус. После вскрытия байдарочного тюка из него сыплется множество деталей, ни одна из которых по своим размерами не превышает 3,5 сантиметра. Такого эффекта нельзя было бы получить даже с помощью крупнодиаметровой шаровой мельницы. Но, по-видимому, багажные вагоны в этом отношении обладают какими-то скрытыми и неизвестными нам возможностями.

В одном случае, правда, был выдан тюк, размеры деталей которого не уменьшились по сравнению с исходными ни на миллиметр. Но каким-то, опять-таки неизвестным, способом все детали оказались спрессованными, причем столь монолитно, что места стыковки не удалось рассмотреть даже в микроскоп.

Находясь между Сциллой (железнодорожными правилами) и Харибдой (несовершенством багажного обслуживания), вы вынуждены прибегнуть к хитрости. Спасение в данном случае приносит напечатанный на машинке текст примерно следующего содержания:

“Из правил пассажирских и грузовых перевозок

§ 62, “г”... из числа негабаритных грузов к провозу в вагоне разрешаются: детские коляски для двойняшек, сейфы с документами (для лиц, предъявивших удостоверение дипкурьеров) и разборные байдарки типа “Таймень”.

Этого короткого (обязательно короткого!) текста бывает вполне достаточно для укрощения самого свирепого проводника. Да что там проводника — перед ним сникали даже выдавшие виды усаые бригады! Ибо все 197 пунктов “Правил”, подозреваем, не знает сам министр путей сообщения.

Второе препятствие на описываемом этапе преодолеть значительно проще. Дело в том, что вы, равномерно распределив груз между положенными вам местами, с ужасом убеждаетесь, что все купе забито полностью, а в коридоре осталось еще четыре тюка, которые приткнуть положительно некуда. То, что вы не помещаетесь, — это даже не четверть беды. Худо то, что в каждом из купе на своей нижней полке должен ехать посторонний пассажир.

Даже толстовец в третьем поколении, попав в подобную ситуацию, запротестовал бы. Но толстовцы, как известно, ныне не встречаются.

Выход один: уложить на одну из принадлежащих вам полок все вещи, проходы загрузить байдарками вровень с нижними полками, а самим коротать ночь с товарищем на одной полке валетом. Остальное зависит от того, как быстро вы наладите с вашими соседями взаимоотношения. Если ваши соседи мужчины, это, как правило, нетрудно. Если женщины, то бог вам в помощь...

5-й этап: выгрузка из вагона. На нужной вам станции, то есть там, где река вплотную подходит к железной дороге, поезд: а) либо не останавливается вовсе, б) либо стоит одну минуту.

В первом, в общем довольно грустном, варианте вам остается надеяться на слепой случай: корову, удобно устроившуюся на путях как раз в районе железнодорожного моста через вашу речку, лопнувший рельс либо на какое-нибудь, пусть самое завалившее, чудо.

Во втором варианте все обстоит много проще. Вы, правда, сильно нервничаете и не меньше шестнадцати раз бегаете к проводнице, умоляя

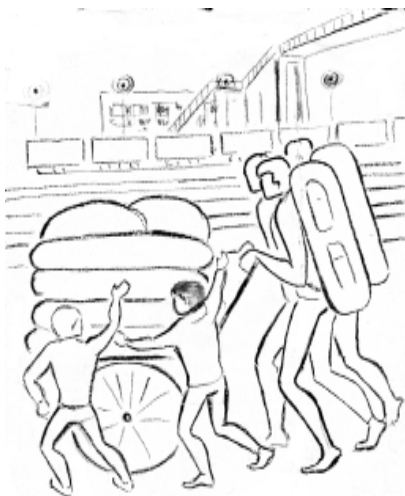
ее на нужной вам станции Шамары выбросить красный флаг и не сворачивать его до тех пор, пока последний тюк не будет выброшен из вагона. Вы клянетесь задержать поезд не больше чем на две минуты. А что такое нагнать две минуты, когда поезд все равно опаздывает на полчаса часа?!

Но на станции Шамары происходит что-то непонятное. Проводница действительно выбрасывает красный флаг и потрясает им столь внушительно, что к вагону начинает двигаться начальник станции, заинтригованный случившимся. Но проходит всего тридцать пять секунд, и вы полной командой со всеми тюками оказываетесь на шамарской земле.

Потом вы с карандашом в руках будете пытаться разгадать этот феномен, но напрасно. Если предположить, что на выгрузку одного тюка необходима одна секунда (время, как вы понимаете, фантастически малое), все равно на всю операцию потребовалось бы куда больше одной минуты, не считая времени на выход из вагона членов экипажа и на возвращение Кока за выпавшей в суматохе поварешкой. Но факт остается фактом — тридцать пять секунд и ни секундой больше!

6-й этап: доставка к реке. Этот этап обычно не внушает опасений, потому что в описании четко указано: от железнодорожной станции до речки — 250 метров. Эти 250 метров вы намерены преодолеть за каких-нибудь полчаса и поэтому смотрите в будущее просветленно и радостно. И зря, потому что потеря бдительности никогда не проходит безнаказанно.

После первых же расспросов вы убеждаетесь, что автор описания был обут, видимо, в семимильные сапоги, ибо посланный на разведку член экипажа возвращается лишь через два часа с грустным выражением лица и с не менее грустным сообщением о том, что до реки он так и не дошел. Лазутчика подвергают перекрестному допросу, лейтмотивом

которого является желание выяснить, где он все-таки шатался и хорошо гуляш в станционной столовой. Лазутчик твердо стоит на своем и выставляет в качестве свидетелей башмаки, к которым в удручающем изобилии прилипла крутая глина.

Убедиться в правдивости разведчика, увы, ничего не стоит. Две три беседы с местным населением, и картина, описанная лазутчиком, приобретает конкретные очертания: до реки восемь километров, из них дорогой шесть, а остальные два километра — “так”.

Спустя часа два вы, с трудом сговорившись с владельцем выезда (телега, запряженная кобылой, очень много повидавшей и еще больше повозившей на своем долгом веку), тащитесь по дороге, которая судорожно и цепко хватает колеса экипажа в свои глиняные объятия, и с тоской думаете: если это дорога, то что же вас ожидает на двух километрах того, что называется “так”?

Последние метры на пути к реке вы продираетесь через заросли напролом. И в тот самый миг, когда вам хочется, бросив многопудовые тюки на землю, отправиться обратно на станцию и первым же поездом уехать куда-нибудь подальше, вы выходите на берег реки и — ах! — замираете, забыв даже опустить поклажу на песок. Ради одного этого пейзажа стоило интриговать с железнодорожным начальством, пресмыкаться перед разгневанными соседями по купе и тащить через тайгу на вытянутых руках, словно малое дитя, байдарку. Еще как стоило! А ведь путешествие только начинается!

7-й этап: возвращение. Дым отечества, конечно, сладок и приятен. И не нам вступать в спор с А. С. Грибоедовым.

Но, согласитесь, дым туристского костра не менее вкусен и отраден. Поэтому возвращение домой окутано элегической грустью. Грусть грустью. Но все же строгих правил возвращения следует неукоснительно придерживаться.

Заповедь первая: лучше закончить маршрут на самой захудалой железнодорожной станции, лежащей на самой заброшенной ветке, чем на самом комфортабельном шоссе союзного значения. Ибо поезда все же ходят по расписанию и, каким бы ни было настроение машиниста, вы так или иначе (см. § 62, “г” этой главы) уедете. А заполучить машину (незагруженную) на отдаленном участке шоссе — дело, требующее вмешательства судьбы.

Заповедь вторая: вещи и снаряжение могут быть уложены как угодно — с любой степенью быстроты и неряшливости (лучше минимальной). Но байдарка должна быть вылизана, вытерта, высушена и

отполирована. Иначе, ручаемся, на будущий сезон она представит практический интерес лишь для агента по сбору вторичного сырья.

КОЕ-ЧТО О БЕЗОПАСНОСТИ

Психология начинающего байдарочника запрограммирована на два полярных состояния.

Первое из них можно определить как веселую обреченность. Характеризуется оно учащенным пульсом, нервным смехом и какой-то суетливостью. Несолідно? Но, согласитесь, чего хорошего можно ждать от этой утлой скорлупки, которая угрожающе колышется даже от кашля пенсионера, стоящего невдалеке и со злорадной заинтересованностью наблюдающего за вашими попытками втиснуться в байдарку.

Садиться в байдарку, как и на лошадь, следует с левой стороны (простите, с левого борта!). Делать это предпочтительно (а для новичка — обязательно!) у самого берега, на мелководье. После того как все вещи уложены в кормовой и носовой отсеки, вы почтительно склоняетесь к своему туристскому кораблю и беретесь руками за фальшборта: правой - за правый, а левой - за левый (если, конечно, собираетесь плыть вперед, а не вспять).

Сделав это, заносите в байдарку правую ногу, а затем торжественно и бережно опускаете на заранее подготовленное сиденье свой естественный центр тяжести. Усевшись, утвердившись и, наконец, почувствовав себя уверенно, вы отряхиваете воду с левой ноги и ставите ее рядом с правой, окончательно порывая, таким образом, с сушей. Теперь вам остается принять из рук заботливых друзей весло и пуститься в плавание.

Бывают ситуации, когда приходится садиться в байдарку с гранитных ступеней набережной, с прибрежных камней или даже со скользких валунов, торчащих посреди речных перекатов или, предположим, в центре озера. Но при всех вариантах последовательность ваших движений при посадке должна оставаться прежней: опора на руки, на правую ногу и затем уже на так называемую пятую точку.

Ну а все более сложные и непредвиденные случаи (равно как техника гребли и многое другое) подробно описаны в методической литературе, список которой приводится в конце этой книги.

Человек, прежде не садившийся в байдарку, уверен, что “воткнуться” туда можно лишь по частям. Машинально остря, он даже осведомляется, не входит ли в байдарочный комплект ключ для

отвинчивания конечностей. Но проходит какое-то время, и новичок с удивлением убеждается, что — нет, вы посмотрите только! — он сидит в байдарке. Правда, двигаться он не решается. Дышать тоже. Старается и не моргать — куда там, неровен час, перевернешься!

Однако жестокая необходимость заставляет дебютанта осторожно втянуть воздух, и он убеждается, что ничего страшного не произошло: байдарка не перевернулась! Окрепнув духом он решается пошевелить кончиками пальцев. Но и на этот раз не падает в воду. Только сейчас новичок замечает, что оставшиеся на берегу криками и жестами убеждают его держаться посмелее.

В голове новичка начинает звучать первая строка известной элегии “Прощайте, милые друзья...”, и под неслышные звуки гениальной музыки Глинки дебютант делает первый гребок. Первый гребок — и все! Все!!! С этого мгновения любовь, нет, даже не любовь, а страсть к байдарке пронизывает все его существо.

Он, привыкший до сих пор связывать движение по воде с каторжным трудом гребца, взявшего напрокат шаланду в городском пруду, впервые ощутил ни с чем не сравнимое чувство полета. А байдарка и впрямь летит, и несут ее чудесные и послушные крылья — весла, к которым привыкаешь мгновенно.

И вот тут-то сразу, без малейшей раскочки и полутонов начинающий байдарочник входит во второе психологическое состояние, какое можно определить одним словом: морепокорено. Он, еще пятнадцать минут назад по-щенячьи повизгивавший при мысли, что придется залезать в байдарку, описывает на воде замысловатые восьмерки и всерьез собирается совершить “оверкиль” — одну из фигур высшего байдарочного пилотажа. А чего с ней, байдаркой, чикаться: ведь сама, родимая, плывет, сама!..

Последним ликующим заявлением новичок обычно захлебывается, ибо в тот самый миг, когда он уверовал в свою байдарочную неуязвимость, лодка переворачивается. Вся последующая судьба байдарочника зависит от его психологической реакции на это боевое крещение. Если он впадает в первоначальное состояние вселенского ужаса, байдарочником ему никогда не стать. Это конец. Он даже может, обладая достаточной силой воли, впоследствии загнать страх поглубже. Но удовольствия от байдарки он уже никогда не получит.

Бывают и такие, кого купание не выводит из состояния эйфории. Выловив байдарку и снова оседлав ее, они остаются в безоблачном убеждении, что случившееся лишь досадное недоразумение, что

байдарка не может перевернуться и вообще — морепокорено! Остерегайтесь таких лихачей. Упаси вас боже идти с ними в поход. Пусть уж лучше этот назадачливый и не очень умный оптимист тонет без вашего участия.

Психологический настрой вашего попутчика, так же как и ваш собственный, должен находиться где-то посередине между этими двумя состояниями. Посередине помещается разумная и хорошо дозированная осторожность, а также непринужденность и уверенность, базирующиеся на мастерстве и хорошем понимании конкретной ситуации.

Правила техники безопасности движения по воде подчиняются главному и естественному закону похода: все должно быть организовано так, чтобы из похода вернулись все участники и максимум вещей.

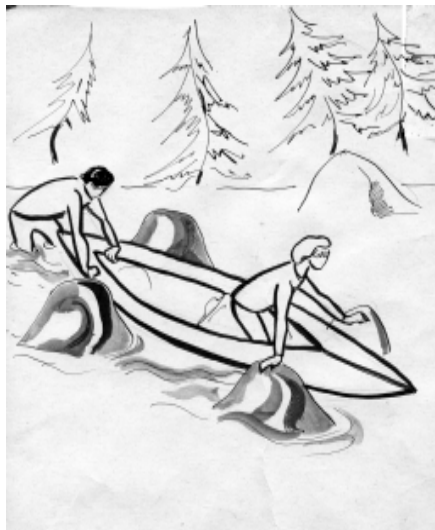
Основное правило звучит приблизительно так: *даже знание всех ста девяноста шести правил поведения на воде окажется бесполезным, если у тебя нет одного здравого смысла.* Да, именно он, здравый смысл, должен быть вашей главной лодией. Это он поможет вам смирить гордыню и обнести байдарки по берегу вместо того, чтобы идти через разрушенную мельницу. Это здравый смысл не позволит вам в ветреную погоду идти через озеро (всего два километра напрямик — и будешь в Вишенках!). И уж, конечно, здравый смысл заставит вас, вопреки эмоциям, трижды исследовать проход через пороги, хотя и вода высокая, и течение слабое, и проход широкий — что твой Крещатик. Да, лучше уж идти в поход без всякого снаряжения, но только не без здравого смысла!

Достаточно основательный опыт байдарочников со стажем выработал ряд мудрых правил техники безопасности, и ни одним из них мы не советовали бы пренебрегать.

Прежде всего следует запомнить, что гуртом хорошо: а) бить батьку; б) есть кашу; в) болеть на стадионе и делать еще сотню хороших вещей, кроме одной — идти на препятствие. Даже если перед вами мост с достаточно далеко отстоящими друг от друга быками, три одновременно ринувшиеся в проход байдарки неминуемо зацепятся друг за друга, и можете радоваться, если только этим дело и ограничится.

Итак, любое препятствие должно преодолеваться поочередно каждой байдаркой. При этом неукоснительно должно выполняться еще одно правило: первым проходит препятствие самый опытный

экипаж. Остальные экипажи должны по возможности располагаться в это время так, чтобы траектория первопроходцев просматривалась с максимальной ясностью. Если “авангард” преодолел препятствие благополучно, остальные экипажи следуют его путем, какими бы комфортабельными и удобными им ни представлялись другие трассы. Ибо вот она квинтэссенция этого правила движения на воде — от добра добра не ищут!

Следующее правило тоже относится к разряду тех, соблюдения которых следует требовать неукоснительно: при движении все байдарки должны находиться в пределах видимости или по крайней мере слышимости. В походе не должно быть уплывших далеко вперед, но и не должно быть отстающих. Вот почему желательно, чтобы кавалькаду замыкал самый опытный экипаж, члены которого начисто лишены искушения вырваться вперед.

Естественно, что ремнабор при таком режиме движения должен находиться в замыкающей байдарке. Лишь это гарантирует пропоровшемуся коллективу, что его прохуdivшееся судно будет непременно обласкано, залатано и снова поставлено на воду.

При движении на сложных участках крайне желательно, нет, просто необходимо облачаться в спасательные жилеты, которые иногда именуют “паникерками”. Надо полагать, что это название — свидетельство ласкового отношения к испытанному спасательному средству. Любое другое отношение, не говоря уже о пренебрежительном, должно классифицироваться как недостойное настоящего туриста.

К слову сказать, спасжилет относится к числу немногих универсальных предметов туристского снаряжения. Помимо выполнения своего основного назначения спасжилет — незаменимая по удобству подушка, матрац, парус (на спокойных участках реки), кошелка для яблок и абрикосов (на суше). Раздобудьте спасжилеты - не пожалеете!

Следующее правило, которое должно выполняться неукоснитель-

но, а выполнять которое ох как не хочется, но нужно, нужно, нужно (повторить еще раз?), н-у-ж-н-о: привязывайте все и вся, кроме себя. Байдарочная “привязанность” должна быть на порядок выше всякой иной. Привязывать нужно спальники и рюкзаки, котелки и кеды, палатку и (самое главное!) мешок с продуктами.

Дай вам бог избежать “килевания”, то есть перевертывания байдарки. От души желаем вам никогда не испытать горького чувства байдарочника, созерцающего, как, внезапно получив солидную прореху, пошло ко дну его верное судно. Но забывать о такой возможности было бы по меньшей мере преступно, преступно по отношению и к себе, и в особенности к своему снаряжению. Вот почему следует привязывать к кильсонам и шпангоутам все, что можно привязать. Тогда при неожиданном перевороте или погружении ваши вещи либо останутся на плаву, либо пойдут на дно вместе с байдаркой и вам не придется вылавливать их по всей реке, вплоть до впадения ее в Черное (или какое-либо иное) море.

Кстати, чтобы байдарка, даже перевернувшись, не утратила плавучести, советуем в носовой и кормовой отсеки закладывать надутые баскетбольные камеры. Кроме того, постоянно следите за герметичностью всех трубчатых частей байдарочного остова и дюралевых весел: проникающая в них вода утяжелит аварийное состояние судна не только в переносном, но и в прямом смысле...

ПРЕПЯТСТВИЯ НА РЕКЕ

Что труднее: преодолеть препятствие или классифицировать его? На этот вопрос нетурист, не задумываясь, ответит: “Конечно, преодолеть!” И ошибется. Ибо нет непреодолимых препятствий, а вот с классификацией гораздо хуже. Как назвать пороги, мимо которых вас пронесло быстрее, чем вы успели осознать происшедшее? Невиданными? Неслыханными? Фантастическими? Колоссальными?

Все эти слова бледны, невыразительны и затасканы. А где найти другие?

Поэтому в самом начале раздела мы предлагаем краткую классификацию, охватывающую все возможные варианты речных препятствий. Итак, препятствия могут быть:

1. **Мифические.** Имеется в виду не Сцилла и Харибда, но препятствия такого же типа и степени достоверности. Чаще всего туристская молва передает сведения о страшных водоворотах и воронках,

способных втянуть байдарку со всем скарбом и экипажем, чтобы выбросить ее через пять километров “на берег песчаный и пустой” уже без оных. Встречаются иногда и живые туристы, по их словам пережившие это пикантное приключение. Но по совершенно непонятной причине никто из них не может удовлетворительно объяснить, как им удалось провести под водой те двадцать-тридцать минут, какие понадобились, чтобы доставить их тела до берега.

2. Фантастические. Если на туристской схеме обозначено: “Плотина. Высота 100м.”, то можете смело отнести это препятствие к разряду фантастических. И не только потому, что таких плотин попросту не существует, но и потому, что если бы на речке Тетюшке и существовала стометровая плотина, то на туристской схеме значилось бы: “Плотина. Высота 1000м.”.

3. Ирреальные. Препятствия этой группы, в отличие от предыдущих, вы наблюдаете и в дальнейшем описываете сами. Вот как выглядит типичное описание, почерпнутое из туристского дневника: “...Стоянку начали искать в 20.00. Конечно, все маломальски годящиеся места моментально исчезли. Бесплодные поиски продолжались до 22.30. Но даже в кромешной тьме было ясно, что как правый, так и левый берег совершенно непригодны для стоянки. Особенно очевидным это было для Адмирала.

Неизвестно, как долго продолжалось бы движение, если бы головная байдарка, довольно далеко оторвавшаяся, не возвратилась и ее экипаж не сообщил, что они уткнулись в тянущуюся от берега до берега стену. На ощупь стена каменная, в камень вделаны металлические конструкции типа противотанковых ежей. В центре стены, очевидно, есть подводное отверстие, куда со страшной силой уходит вода. На экстренном совещании было решено: осмотр, оценку и преодоление препятствия отложить до утра и немедленно разбить лагерь, что и было сделано в 22.50.

Берег оказался неожиданно удобным. Дров было предостаточно. Место для палаток прекрасное. Наверное, именно поэтому намеченный на 7.00 подъем не состоялся. Адмирал проснулся в 8.30 и сразу отправился обследовать ночное препятствие. Пройдя вдоль берега 6-8 километров, он никакой стены не обнаружил и решил вернуться. После общего подъема и завтрака отправились в путь. Шли до 12.30, когда из-за жары решено было остановиться. За все время движения никаких следов ночного препятствия обнаружить не удалось.

Экипаж головной байдарки клятвенно уверял, что своими руками

трогал стену. В доказательство, действительно, были предъявлены довольно грязные руки. Выдвинуто несколько версий странного события. Наиболее вероятной признана космическая (инопланетный корабль, остановившийся на ночевку прямо в речке). Места вдоль всего пути следования были отличные и для стоянки весьма пригодные”.

Это описание типично, ибо главным свойством ирреальных препятствий является их способность таинственно исчезать после обнаружения. Исчезают стены, плотины, провалы, надолбы и т.д. и т.п. Очевидцы в большинстве случаев остаются в живых и с неизменной живостью подробно описывают свойства препятствий.

4. Реальные. Это самая обширная группа препятствий. Характеризуются они тем, что, будучи однажды обнаружены, уже никуда не исчезают, как бы вам этого ни хотелось.

Все препятствия этой группы, конечно, перечислить невозможно. Да и не стоит, ибо турист обязан к некоторым из них подобрать ключи самостоятельно, без предварительных инструкций. Поэтому только о важнейших.

Плотины. Бывают двух видов — действующие и разрушенные. И в том, и в другом виде они достаточно неприятны и для прямого прохождения непригодны. Не стоит соблазняться кажущейся судходностью русла на месте бывшей плотины. Когда вы убедитесь в обмане, будет уже поздно.

Единственный метод борьбы с плотинами — обносы. Метод технически прост и известен со времен первого прохождения знаменитого маршрута “из варяг в греки”. Заключается в извлечении вещей из байдарки, а самой байдарки — из воды и перенесении их вниз по течению, за плотину. Мы настаиваем именно на перенесении, ибо употребление специальных технических средств (тележки, тачки, ходовой части шагающего экскаватора и т. д.) очень быстро сводится к тому, что кроме байдарки и рюкзаков вы несете на себе и специальные технические средства (тележку, тачку, ходовую часть шагающего экскаватора и т. д.).

Оценку обноса не стоит давать по сугубо математической формуле, ибо длина его и трудность — понятия не всегда совпадающие, а три обноса по двести метров совсем не равны в сумме одному обносу в шестьсот метров. Тяжесть обноса убывает по мере удаления от него во времени и пространстве.

Вообще обнос — дело скучное, и единственная возможность

разнообразить и скрасить его сводится к исполнению песенки: “Нормальные герои всегда идут в обход...”

А раз уж вы все равно идете в обход, то не поленитесь сделать лишние двадцать-тридцать шагов (в данном случае они могут оказаться совсем не лишними). Ибо никогда не следует спускать байдарку на воду сразу же под самой плотиной (хотя после тяжелого церемониального шествия по прибрежным осыпям и камням очень хочется это сделать). Главное же, с облегчением спустив судно на воду, не вздумайте пересекать речку параллельно плотине, а поскорее повернитесь к ней кормой. Не бойтесь в данном конкретном случае показаться невежливым по отношению к даме!

А дело все в том, что именно от плотины, у самой поверхности воды, всегда несутся сильные потоки. И бывают они не столько ламинарными, сколько турбулентными. И любимым развлечением этих подводных течений является переворачивание байдарок с зазевавшимися капитанами и матросами, опрометчиво подставившими борт коварной струе. Поэтому повторим еще раз: *не курсируйте с торжествующей миной на лице вдоль плотины, а сразу же плывите от нее вниз!*

Заколы. Так лаконично и неласково называются изгороди из деревянных кольев, которыми рыбаки любят перегородивать маленькие речки и озера.

Если вода уже спала, то деревянные гребешки вылезают на по-

верхность. Они отчетливо видны, и вам остается только решить, перенести ли байдарку через закол (если глубина невелика) или же совершить очередной обнос по берегу.

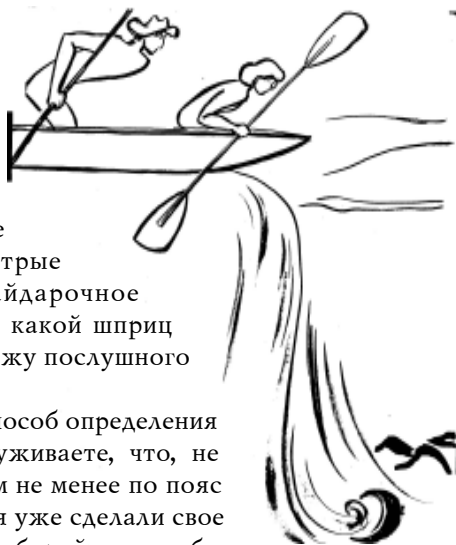
Но весной и осенью, когда колья скрыты под водой, будьте особенно бдительны! Ибо острые зубья заколов протыкают байдарочное днище с такой же легкостью, с какой шприц опытной медсестры пронзает кожу послушного пациента.

Существует безошибочный способ определения прокола: если вы вдруг обнаруживаете, что, не вылезая из байдарки, сидите тем не менее по пояс в воде, значит, деревянные колья уже сделали свое черное дело. Тогда поскорее выбирайтесь на берег, доставайте ремнабор и начинайте латать те места судна, которые в этом наиболее нуждаются. Впрочем, и поставленная авансом лишняя латка еще никому до сих пор не помешала.

Мосты. Мосты бывают большие, средние и малые. Но нет мостов безопасных. Каждый мост независимо от его габаритов должен вызывать к себе предельно почтительное отношение. Даже если перед вами железнодорожный гигант, основной пролет которого перемахнул через речку, а фермы висят над водой на высоте 30 метров, все равно ждите и от такого моста какой-нибудь неприятности.

Прежде всего запомните, что речное дно у каждого моста устлано всякого рода предметами, большинство из которых представляет для байдарки, а следовательно, и для вас прямую угрозу.

Это может быть лишняя или забракованная и не пошедшая в дело опора; либо сенокосилка с торчащими в разные стороны кривыми турецкими мечами; либо бочка, по-видимому та самая, которую покинул князь Гвидон, забыв выдернуть гвозди после того, как он “вышиб дно и вышел вон”. Кроме того, перед большинством крупных мостов почти всегда прячутся под водой остатки предыдущих мостовых сооружений. Если и встречаются здесь исключения, то только в том смысле, что эти затонувшие мостовые сооружения будут располагаться не перед мостом, а за ним.

И конечно же, предельно внимательного к себе отношения требуют сами мосты.

Деревянный мостик лучше проходить “под”. Если пролеты слишком низкие и явно не рассчитаны на вашу голову, не стоит проверять прочность моста. Многочисленными наблюдениями установлено, что самый ветхий мост прочнее самой крепкой головы. Лучше выйти из байдарки и провести ее под мостом без пассажиров, управляя ею при помощи веревок, привязанных к носу и корме. Можно также провести байдарку вплавь, толкая ее перед собой.

Иная тактика на мостах понтонных. Их нужно проходить “над”. Это не значит, конечно, что нужно сделать дырку в одном из понтонов и затопить его. Просто нужно перенести байдарку через него или мимо него (обнос). Все другие методы (таран, подныривание и т.п.) следует сразу же отвергнуть, ибо они в лучшем случае кончатся утоплением байдарки.

Перекаты. Это еще не пороги, но уже кое-что. Поэтому при прохождении перекатов весьма желателен байдарочный фартук (с отдельным люком для каждого члена экипажа), так как лишняя вода в судне вам абсолютно ни к чему.

Не забудьте опустить руль! Мелодично постукивая по камням, он заранее предупредит вас о критической глубине и близости перекатов (и уж тем более порогов).

Идеальный перекат всегда позволит вам скатиться с него на байдарке так, как вы съезжали в детстве со снежной горки: приятно, слегка захватывает дух и в меру безопасно. Но на всякий случай держите всегда наготове весло, чтобы своевременно оттолкнуться от еле приметного камня или помочь рулю в нужный миг изменить направление байдарки.

О перекатах известно, что их хорошо бы “послать по адресу”. Правда, адрес не указан. Но даже если бы он был точно известен,

легче от этого не стало бы. Поскольку от вышеуказанных посылов перекаатов не убудет, равно как и камышовых зарослей, коровьих бродов и деревьев, упавших поперек речки в самом неподходящем месте.

Пороги. Это всегда серьезно, особенно для людей нервных. Поэтому вот несколько правил.

1. Форма идущего по порогам при всевозможных вариациях включает и обязательные детали: надувной жилет, шлем.

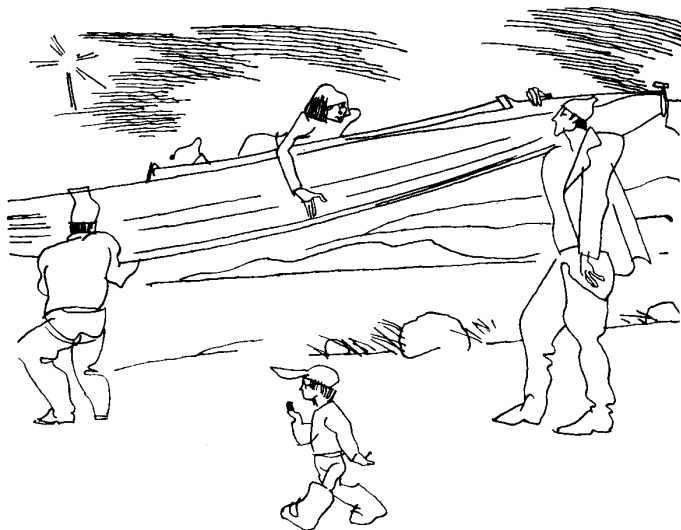
2. Новичок может идти по порогам только с опытным напарником.

3. Пассажиров (дети, женщины, домашние животные) следует высадить выше порогов и принять на борт ниже оных.

4. Коли нет детального и достоверного описания порожистого участка, следует сделать производственный эксперимент: проследить путь, по которому сплавляется пущенный вами по течению предмет.

5. Если нет возможности выполнить хоть одно из этих правил, прохождение порогов должно быть заменено обносом.

Прочие препятствия. “Вот мельница... Она уж развалилась...” — эти слова из известной оперы могут умилить и ввергнуть в элегическое состояние кого угодно, только не туриста. Ибо разрушенная водяная мельница (а неразрушенных почти не осталось) почти всегда серьезное препятствие на реке. Хуже всего, если вся надводная ее

часть разрушена, а где-то под водой скрываются полусгнившие столбы, к которым так и льнет течение. Проходя мимо них (или над ними), лучше максимально разгрузить байдарку, уменьшить ее осадку. Можно высадить и пассажиров. Пусть идут по берегу и поют.

Путешествуют байдарочники и по речкам, служившим некогда для молевого сплава леса. Дно там устлано сотнями затонувших или полузатонувших бревен. По таким маршрутам наиболее благополучно проходят туристы, умеющие видеть хотя бы на полметра под водой. Этого, как правило, достаточно для безопасности байдарки.

Не удивляйтесь, заметив посреди реки брошенный трактор-утопленник. На нем, вероятно, возвращался со свадьбы слишком веселый тракторист. Поскольку заброшенная сельхозтехника неподвижна, то, в отличие от идущего транспорта, ее с одинаковым успехом можно обогнуть и справа, и слева.

В заключение, перефразируя известное выражение, можно сказать: не встретишь препятствия — не преодолеешь его, не преодолеешь — не познаешь радости победы.

ДВИЖЕНИЕ!

Времена бурлаков канули в Лету. Или почти канули. Ибо даже самые несговорчивые и строптивые теперь предпочитают двигаться по течению, а не против. Правда, наиболее отчаянным (или невезучим) туристам изредка случается тянуть байдарку бечевой несколько километров вверх, чтобы затем, проведя ее рукавом в соседнюю реку, уже спокойно и беспрепятственно спускаться вниз. Но и это, как правило, вынужденный или непредвиденный вариант.

А заранее обдуманное, преднамеренное путешествие против течения может предприниматься лишь сверхтучными гражданами, которые безрезультатно пытались до этого похудеть с помощью диеты и лечебного голодания. И это, поверьте, оправдывает себя: самые крупногабаритные туристы за две недели гребли против течения обретают тополиную стройность.

Итак, ясно: по реке лучше путешествовать вниз. При этом вы без отрыва от весла любуетесь прибрежными ландшафтами, не упуская в то же время из вида фарватер. А сидящая спереди ваша спутница жизни (или просто спутница) чаще всего вообще не гребет. Зато, созерцая окружающую природу, она может одновременно вязать вам на зиму свитер (слепым методом). Или же чистить картошку к вечерней трапезе. Так органически сочетается в походе приятное с полезным.

Кстати, водные глади почти единственное место на земном шаре, где мужчине Удастся еще сохранить за собой некоторое руководящее положение. Ведь среди капитанов дальнего плавания пока относительно мало представительниц слабого пола. То же и на туристских байдарках: в подавляющем большинстве случаев капитаном и рулевым является мужчина. По крайней мере, пока.

Но зато на берегу наши прекрасные спутницы с лихвой компенсируют эту временную утрату власти, и там уж все управление (рули, так сказать) снова в их руках.

Что ж, настоящий мужчина должен всегда уступать женщине. Даже если это снимает с него определенную долю ответственности за будущее. Настоящий мужчина остается таковым в любой ситуации: и бесстрашно ведя вздрагивающую байдарку сквозь буруны очередных порогов, и меланхолично оттирая речным песком закопченную на походных кострах сковородку. Ибо, в конце концов, все профессии и должности почетны!

А как сидят в байдарке? Скажем прямо и открыто: сидят поразному. И не только потому, что природа, как известно, не терпит однообразия.

Некоторые “водоплавающие”, слишком буквально понимая бессмертный лозунг “Туризм — лучший отдых”, порой отождествляют байдарку с плавучим шезлонгом или дрейфующей раскладушкой.

Эти путешественники во время движения обычно заваливаются на самое дно. Да так, что над фальшбортами даже и головы не торчат!

Встретив такой туристский корабль, вы мгновенно вспоминаете лермонтовские строки:

“Не видно на нем капитана,
Матросов не слышно на нем...”

На описанной байдарке иллюзию безлюдности и покинутости нарушают лишь разложенные на деке дырявые кеды и вяло (как бы сами собой) шевелящиеся весла.

Другой крайностью является навязчивая (и, мягко говоря, безосновательная) убежденность в том, что твоя байдарка — цирковая лошадь, а сам ты — блистательный наездник, предпочитающий скакать не столько сидя, сколько стоя в седле.

Стоит ли говорить, что именно таким байдарочникам-джигитам чаще других приходится суматошно вылавливать мокрые вещи,

выпавшие на самой стремнине из безвременно перевернувшейся и медленно тонущей байдарки...

Итак, в данном вопросе (кстати, как и во многих других) следует придерживаться золотой середины. Действительно, почему бы вам удобно и прочно не усесться на плотно свернутую палатку или хорошо упакованный, разумно уплощенный пластиковый мешок с мягкими вещами?! И пусть все, что у вас выше пояса, находится над фальшбортами. А все, что ниже пояса, - соответственно под ними.

В такой позиции, во-первых, удобнее всего грести (что, согласитесь, для байдарочника имеет некоторое значение). Во-вторых, вы все и всех видите и вас видно достаточно хорошо. Наконец, в-третьих, именно такая посадка помогает вам (и окружающим) осознать, что вы не ленивый курортник и не заносчивый наездник, а именно турист-байдарочник. Что и требовалось доказать!

Как это ни досадно, кроме байдарок на воде попадаются и другие плавсредства: моторные лодки, плоты, катамараны, баржи, пароходы, теплоходы и трансатлантические лайнеры (ненужное зачеркнуть!). Впрочем, с точки зрения байдарочника, к разряду “ненужное” относится все вышеперечисленное. Однако все эти средства передвижения на реках, озерах и морях существуют. И авторы вынуждены считаться с объективной реальностью.

Один из параграфов “Международного морского устава” гласит: “Суда с моторным ходом при встрече обязаны уступать дорогу не имеющим оного”. Кажется, ясно? Однако это вовсе не значит, что капитан байдарки может упрямо править в лоб мчащейся по реке “Ракете” на подводных крыльях в безумной надежде, что та испуганно свернет с курса, выбросившись на прибрежный песок...

Не стоит также надеяться, что указанную статью “Международного морского устава” ежедневно читают и чтут хозяева бесчисленных моторных лодок, бороздящих наши водные бассейны. Порой их бывает не меньше, чем на катке в субботний вечер конькобежцев!

При встрече с моторкой не стоит волноваться (равно как и делать вид, что вы ее вовсе не замечаете). Просто помните: у “Ракет” и моторных лодок свой фарватер, а у вас – свой. И не забудьте, пожалуйста, развернуть байдарку носом к волне. Не только потому, что всякую (даже минимальную) опасность полагается встречать смело глядя ей в лицо. Нет, идя носом на волну, вы никогда не перевернетесь, а вот подставляя ей борт, рискуете гораздо больше.

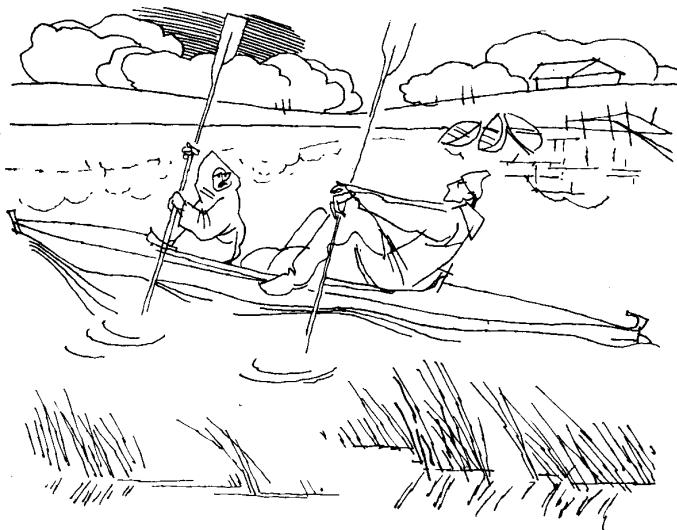
Ну а если вы вообще не любитель острых ощущений, путешествуйте

по тихим лесным речкам и озерам, заросшим камышом: там не пройдут ни моторки, ни тем более “подводные крылья”! А для порядочной байдарки вполне достаточно тридцати-пятидесяти сантиметров глубины. И традиционное морское пожелание “Шесть футов чистой воды под килем!” прозвучит тут явно ненужной гиперболой.

По наблюдениям автора, все чаще теперь встречаются на туристских трассах катамараны. Это слово на одном из полинезийских наречий означает “связанные бревна”. Однако наука движется вперед. Современный туристский катамаран являет собой площадку-суденышко на двух-трех сигарообразных поплавках. Имеет весла, руль, парус. Но на них чаще всего катамаран никакого внимания не обращает и движется в направлении, пассажирами и командой не предусмотренном. Необычайно устойчив: сев на мель, умеет, как говорится, постоять и за себя, и за других.

В отличие от байдарки, катамаран в магазине не купишь. Его обычно проектируют и создают собственными руками потенциальные путешественники. Чаще всего отваживаются на это или пятиклассники — члены кружка “Юный техник”, или же доктора технических наук.

Однажды на Днестре мы видели такой катамаран. Его одиннадцать авторов жили в пяти городах и всю зиму заочно строга́ли, тачали и пилили детали по общему проекту (каждый — свою долю).

Встретившись в заранее назначенный день на реке, они за четыре дня собрали (не без трудностей) свое детище и торжественно двинулись вниз по течению. Но в силу каких-то таинственных причин катамаран не плыл прямо, а, к восторгу местных мальчишек, в плавном вальсе кружил по воде.

Когда мы проплывали мимо, выяснилось, что у катамарана одновременно треснули оба весла. “Сечения не выдержали!” — горестно сообщил один из авторов, сидевший на краю дощатого помоста в позе васнецовской Аленушки. Больше мы их не встречали...

Некоторые предпочитают путешествовать на плоту. В свое время, если помните, такой поход (примерно первой категории сложности) успешно осуществили Том Сойер и Гек Финн.

Многих это привлекает еще и потому, что палатку можно поставить прямо на плоту и при желании плыть круглосуточно (выходя на берег лишь в самых критических ситуациях). Однако есть тут и существенное “но”. Если учесть, как быстро растут ряды водоплавающих туристов, и одновременно вспомнить, что плоты чаще всего сбивают из бревен, то невольно задумаешься о печальной судьбе наших лесных массивов...

Впрочем, бывают и надувные плоты (наподобие гигантских резиновых матрацев с роскошным восточным шатром посередине); иные же туристы кладут дощатый помост на громадные автомобильные камеры. Встречали мы и плот, плавучесть которого обеспечивали

шестьдесят камер для баскетбольных мячей. О его приближении прибрежные жители узнавали по доносившейся с реки беспорядочной стрельбе. Это с завидной периодичностью лопались камеры-поплавки.

Отнюдь не умаляя значения и прелести всех вышеперечисленных видов туртранспорта, заметим: плоты и катамараны в основном подчинены воле течения. На них плывут не спеша и со вкусом. Известны случаи, когда туристы-плотовщики за два похода создавали докторские диссертации, а за три писали роман-трилогию.

Но людям живым, энергичным и пытливым больше по душе байдарка. Ведь на ней кроме весел к вашим услугам еще и парус. При определенном навыке (и хорошем ветре) можно достичь скорости и маневренности под стать яхтсменам. Более того, у байдарки перед яхтой есть и неоспоримое преимущество: для нее вовсе не обязателен стационарный парус. Байдарочный кливер или стаксель можно изготовить практически из чего угодно, начиная от полиэтиленовой скатерти и кончая адмиральскими штанами!

Наконец, при желании к борту байдарки можно прикрепить полторасильный моторчик и без малейших усилий плыть как по течению, так и против... Эта фраза написана по чувству долга, обязывающему нас к возможно более полному перечислению туристских средств передвижения по воде. По чувству долга, но не по душевной склонности. Потому что настоящий водоплавающий турист не имеет права дойти до подобной бензиновой степени падения. В противном случае не стоило бы писать эти, пусть не во всем совершенные, зато максимально искренние и в меру поучительные, главы.

СТОЯНКА

В хороший рабочий день плывут на байдарках часов шесть, энтузиасты — те идут часов семь. Встречаются, говорят, фанаты, которые “уродуются” все восемь. Больше не выйдет никак. А остальное время? Остальное время — стоят. Отсюда следует, что в байдарочном походе “стоять” не менее важно, чем “идти”.

Как стоять? Где стоять? Каким образом стоять? Вот те вопросы, которые необходимо решать при ежедневном выборе стоянки. А ответ формулируется со спартанской суровостью, индейской лаконичностью и тарасконским оптимизмом: “хорошо”. “Хорошо стоять!” — таков основной лозунг байдарочного похода. Причем не надо быть оракулом, чтобы предсказать: среди участников похода найдется группа (от души желаем, чтобы она была не очень большой), которая на первой же стоянке, размагниченная ландшафтом и близостью крупномолочного стада с тароватыми доярками, выбросит лозунг: “Стоять насмерть!”

Многолетняя практика позволила выработать те критерии, которым должна удовлетворять среднестатистическая стоянка. Стоянка должна:

1) быть пустынной и находиться вдалеке от населенных мест (“Мы в поход пошли, чтобы быть на природе, а не толкаться среди...”);

2) находиться поблизости от села (“Молочка бы..”, “Яблочек бы..”);

3) располагаться там, где много топлива. И не какого-нибудь, а сухих сосновых веток лучшей отопительной кондиции (см. раздел “Костер”);

4) быть удаленной никак не больше чем на 20 метров от хорошего густого леса, разумеется, смешанного (ибо от хвойного какие радости — одна духота...);

5) иметь тенистый уголок для палатки. Вместе с тем хорошо, если утром с 7.15 до 8.05 палатку будет ярко освещать солнце (не ждать же, когда палатка высохнет от росы на ветерке, которого, когда нужно, никогда не бывает...);

6) располагаться вдали от высокой оползневой горы, чтобы в случае дождя, а также в результате воплей по поводу вытащенной плотицы не случилось чего...

42) ягоды — обязательно!

43) грибы — непременно!

44) орехи — само собой разумеется!

114) и никаких комаров!..

Не будем скрывать суровую правду: подобную идеальную стоянку, удовлетворяющую всем 114 пунктам, найти трудно. Да и бывает ли на свете что-либо и кто-либо идеальным, за исключением жен, мужей и начальников?!

Поэтому, если отыщется стоянка, удовлетворяющая 96 пунктам, выбирайте ее без колебаний. 72 пунктам — и такая подойдет. Пренебрегать сорокасептупунктной тоже не следует. Стоянка с индексом “12” сойдет. Наконец (чего не бывает!), может попасться стоянка с индексом “0” — становитесь и на такую, ибо ночевать все-таки надо.

Психологические критерии выбора стоянки незыблемы и относятся к тем немногим абсолютным законам, которые не имеют исключений.

Основной Закон Стоянки суров и прост, как суровы и просты все основные законы природы: *лучшая стоянка — в двухстах метрах ниже по реке.*

Мы знаем безответственных еретиков, которые пытались обойти этот закон. Они находили стоянку, которая по самым приблизительным подсчетам удовлетворяла 63 пунктам (что является абсолютным и непревзойденным рекордом) и, преодолевая бешеное сопротивление коллег, рвущихся разбить бивак на этом эльдорадо, вели колонну ниже по реке. Конечно же, тут оказывалась стоянка с индексом “70”. Первопроходец гордо указывал на берег, а пристыженные вольтерьянцы тихо высаживались, стая и млея от восторга перед пронизательностью ясновидца, усвоившего на практике Основной Закон Стоянки.

Вечером у дымного костра старый байдарочный волк с нескрываемым удовольствием втягивает обеими ноздрями фимиам, который ему курят все участники похода, и злорадно размышляет на вековечную тему о том, что нет, дескать, закона, который при должной изворотливости нельзя было бы обойти.

Но утром, когда вы, зевая и поеживаясь, отправитесь в путь, за первой же излучиной покажется такая стоянка, что ваша спутница, которая вчера (еще вчера!) глядела на вас своими прекрасными глазами, в коих отражалась вековечная женская гордость своим избранником, та самая кроткая спутница будет пилить вас до первого привала, пока бурные волны аппетита не вытеснят мечту о рае, в котором не довелось побывать.

Кроме Основного Закона Стоянки есть еще несколько второстепенных. Но это отнюдь не означает, что ими можно пренебрегать.

Первый из них — “Закон половины седьмого”, который гласит: *лучшая стоянка попадает в половине седьмого вечера*. Закон имеет два следствия: 1) стоянка, которая попадает в половине восьмого, будет намного хуже; 2) после половины восьмого стоянки исчезают вообще.

Уже неоднократно отмечалось, что время от пяти до половины девятого вечера — самое что ни на есть баркаральное. Солнце светит и даже греет, но не жжет. Ветра, да что там ветра, ветерка — ни малейшего! Вода — зеркальная витрина в центральном универмаге. Река выпрямляется и течет ровно и спокойно. Слепней уже, а комаров еще нет. С берегов волнами накатываются густые сенные запахи. Только сейчас испытываешь во всей полноте блаженство байдарочного путешествия!

Договорено железно еще дома перед выходом, а затем многократно клятвенно подтверждено уже в походе: каждый вечер идем от пяти до половины девятого. Раньше половины девятого о стоянке не заикайся. Даже не вспоминать! До половины девятого слова “стоянка” вообще нет в русском языке. И ни в каких иных. Нет, и точка!

Но закон есть закон. В 18.30 вы замечаете, что идущая впереди байдарка начинает блудливо вилять рулем. Идущие впереди, конечно же, узрели стоянку. И какую! Слов нет! Не описать! О такой стоянке мечтали вы, когда зимними воскресными вечерами обсуждали предстоящий поход.

Впрочем, Капитан ведущей байдарки, заранее предупрежденный и запуганный пронизательным Адмиралом, суровым рыком усмиряет ропот экипажа, благоразумно умалчивая, что он сам при этом испытывает вибрацию души и всяческое искушение. Ведущая байдарка решительно устремляется вперед. Вихляние прекращается, соблазн преодолен!

Но тут потенциальную стоянку замечает вторая байдарка. Открытие сопровождается бряцанием вразброд пошедших весел, судно разворачивается поперек течения, на байдарку наталкивается остальная флотилия. Причина сбоя очевидна. После нестройных, но громких и восторженных “ахов” стихийно и очень быстро возникает заговор против Адмирала, следующего, как обычно, на последней байдарке.

Адмирал хотя и знает отлично “Закон половины седьмого”, но, в общем, тоже человек и поэтому, потеряв по случаю редкостной красоты пейзажа привычную бдительность, не успевает сманеврировать и врывается в лодочный завал.

— В чем дело, служивые? — скверно разыгрывая непонимание текущего момента, осведомляется его превосходительство.

Адмиралу радостными криками поясняют, что упустить такую стоянку могут только вконец безответственные и слишком много о себе понимающие руководители. Таким образом, разговор сразу обнажает жесткие и непримиримые противоречия между начальством и его подчиненными.

— Ты только посмотри: земляники там — с реки даже видно, красным-красно... Грибы из-под шапок так и лезут, а родник, нет, ты родником полюбуйся...

Первая байдарка, услышав народный ропот, сначала останавливается, а затем непонятным маневром — вроде гребут вперед, но при этом почему-то движутся назад — приближается к завалу и вносит посылную лепту в “уламывание” начальства.

Адмирал (поначалу еще миролюбиво):

— Люди, совесть у вас есть?

Народ (непреклонно и резко):

— Свою поищи!

Адмирал:

— Ведь нам сегодня до нормы еще километров двенадцать осталось!

Народ (убежденно и неискренне):

— Завтра встанем в шесть и наверхстаем!

Адмирал (горько смеется):

— Вы? Встанете? В шесть?!!

Народ (понимая, что дело проиграно):

— Кровопийца!

Адмирал (для острастки):

— Которые тут давно на реях не болтались?

Народ (не безмолвствуя, но ропща):

— Много тут вас, которые на реи...

Адмирал (понимая, что сражение выиграно):

— Вперед, убогие!

Через час появляются одна за другой две стоянки похуже. Капитаны байдарок, метнув затравленный взгляд на Адмирала, молчат и продолжают путь.

Между тем пейзаж неуклонно и очень быстро начинает портиться. Сначала отходит к горизонту, а затем и вовсе исчезает лес. Потом сходит на нет кустарник. Маняще пологие берега повышаются, и на-

конец река сдавливается двумя грядами абсолютно голых скал.

К половине девятого ландшафт становится совсем уже дантовским. Правда, правый берег снова пологий, но и с воды видно, что там черная болотная топь. На скалы же левого берега не то что байдарки втянуть — на них и бывалому альпинисту-то глядеть зябко...

Адмирал сильными гребками посылает свою байдарку вперед, и вся группа с тоской наблюдает, как метрах в трехстах его превосходительство суетливо пристает то к одному, то к другому берегу и, судорожно карабкаясь по осыпающимся камням (или увязая в прибрежной топи, или, в лучшем случае, разгоняя зычным басом невесть откуда взявшееся по позднему времени коровье стадо), сокрушенно качает головой, вскакивает в судно и мчится дальше.

Без пятнадцати девять адмиральский силуэт, четко вырисовывающийся на фоне громадной холодной луны, издает победный вопль: — Зе-е-мляя!

Кавалькада медленно и устало подходит к облюбованному начальником месту. Стоянка и впрямь ничего. Леса, правда, не видно, топлива тоже. Ближайшие кусты, нет, кустики метрах в двухстах. Зато много, очень много, следов пребывания коров, лошадей, гусей и еще каких-то неизвестных, но, судя по конкретным признакам, очень крупных травоядных животных. Впрочем, выбирать не приходится. Скорее бы разбить палатки, разжечь костер и (ох, не говорите!) сварить что-нибудь.

Но тут во всей своей неизбежности и суровости вступает в силу очередной закон стоянки: *байдарки должны быть вытащены*. (Устали ведь!) Должны! (Да что с ними случится?) Быть!! (Привязать и все...) Вытащены!!!

Законоотступников, пытавшихся обойти это правило, не счесть. И ни один из них не закончил свою байдарочную жизнь счастливо. Летом они сидят в пыльных городах либо влачат жалкое и постыдное существование “пижамников” в Гантиади и терзаются запоздалыми раскаяниями. Но никому не дано преступать закон, и об этом должен помнить каждый!

Оставить байдарку на плаву, только лишь привязав ее? Это, конечно, удобно. Куда удобнее, чем тащить мокрое, отяжелевшее судно, оступаясь в склизкой прибрежной тине либо наступая в темноте всей своей 110-килограммовой тяжестью (70 килограммов, законного веса+40 килограммов байдарки) на острый камень. И привязать байдарку можно. Так пятьдесят пять раз вы и поступите. И будете

довольны. Довольны сверх нормы. Ибо если и есть что-либо в походе неприятного, так это вытягивание байдарок. Но в пятьдесят шестой раз байдарка отвяжется (сама собой!) и сплывет ночью на тридцать девять километров, пока не натолкнется на мост, где ее утром обнаружат ликующие мальчишки, которые, ошавев от неожиданного и бесхозного дара, быстро доведут лодку до кондиции.

Впрочем, если даже вам повезет и байдарка окажется кроткого нрава и будет стоять на приколе, то мальчишки найдутся и не за тридевять земель. Они придут назавтра спозаранку, когда весь лагерь будет спать крепко и безмятежно. Увидя покачивающиеся на воде байдарки, хлопцы сначала замрут в изумлении, затем несмело подойдут поближе, затем, все еще робея, заберутся в лодки.

Первая байдарка затонет самым простым образом – “кильнется”. Правда, произойдет это на довольно глубоком месте. Но зато вам суждено испытать бурную радость, когда вы ценой семичасовых изнурительных спасательных работ вытащите байдарку и убедитесь, что она цела и невредима.

Вторая байдарка тонет более трагически. Потыкав пальцем в байдарку, Петька высказывает смелое предположение, что она резиновая. Вовка, тоже ткнув в борта, высказывает не менее смелое предположение, что она сработана из особого “гнучего” металла. Спор разрешает Гришка, который, в свою очередь ткнув в байдарку, точно определяет, из какого материала она сделана: “Барахло!” Но, в отличие от своих коллег, Гришка тычет в байдарку раскрытым ножиком. Хлопцы из байдарки успевают выскочить и исчезают мгновенно и неслышно. Известным утешением в данном варианте является то, что байдарка тонет в неглубоком месте, откуда достать ее в общем нетрудно...

Только очень желчный человек упрекнет мальчишек в злом умысле. Потому что надо

быть бесчувственным и предельно нелюбознательным, чтобы не проявить интерес к таким чудным лодкам. Нет, мальчишкам нельзя бросить и слова упрека.

Но подумайте сами, будет ли вам от этого радостнее? Существует еще с полдесятка причин, из-за которых намерение оставить байдарку на плаву должно квалифицироваться как недопустимое легкомыслие. Внезапный ночной ливень, грозящий затопить байдарку, далеко не самая опасная из них. Но перечислять их, по-видимому, не стоит, ибо непреложность и этого закона очевидна.

Следующий закон стоянки легок и необременителен. Именно поэтому о нем часто забывают. Потом жестоко раскаиваются. Но затем забывают о нем снова. И вновь мучаются угрызениями совести. Только приходящая со временем Высшая Байдарочная Мудрость делает соблюдение этого закона рефлекторным. А он всего-навсего гласит: *осмотри стоянку перед уходом.*

Мудрые байдарочные аксакалы твердили вам об этом законе едва ли не чаще, чем о всех остальных. И тем не менее после первой же стоянки вам приходится грести четыре километра против течения и против ветра, потому что обнаруживается: зарыта высушенная и тщательно упакованная палатка (всего-то!). Причем благодетель, обнаруживший эту пропажу, не может нахвалиться своей проницательностью и все время повторяет: “То-то я чувствую, что сидеть мне неудобно..”

На другой стоянке вы забываете висящие над костром котелки. На этот раз пропажа обнаруживается лишь на дневной стоянке. Идти вверх по течению сил нет никаких. Поэтому назначенная Адмиралом жертва будет продираться по прибрежному кустарнику часа три до стоянки и четыре часа обратно – до места остановки. К счастью, котелки уцелели, но день безнадежно испорчен. Да тут еще Кок портит оставшимся настроением, злорадно расписывая, как весь поход им придется питаться гречневой крупой и сырой рыбой.

После того, как гонец возвращается с котелками, Адмирал проводит летучее совещание, тезис которого односложен и убедителен: не будете осматривать стоянку перед уходом - убью!

Адмирал оказывается клятвopеступником уже на следующий день, когда выясняется, что забыта сетка с овощами. На этот раз Адмирал запрещает возвращаться, и уху приходится варить на макаронах.

Только тут участники похода начинают постигать Высшую Байдарочную Мудрость (пока, увы, лишь ее азы). И отныне перед уходом

каждую стоянку внимательно осматривают. Теперь забываются лишь самые мелкие предметы: ложки, ножики, плавки. Но с такими потерями можно мириться...

Впрочем, есть один предмет, который, неизвестно почему, навеки отмечен печатью проклятия и который будет неизбежно забыт, даже если в походе участвуют байдарочные академики. Да, вы знаете о мистических свойствах этого предмета. И рассказываете о его подлых особенностях в первую очередь новичкам. Но рок сильнее даже Мудрости байдарочника с десятилетним стажем. Предмет этот будет забыт не раньше второй стоянки (это у неопытных саложат), но уж никак не позже восьмой (у байдарочных зубров). Впрочем, бывают случаи, когда умудренный байдарочник забывает его на третьей или даже второй стоянке, но уже никогда не удавалось даже самому осмотрительному новичку продержаться долее четвертой.

Речь идет о байдарочном чехле. Вы его забудете с роковой неизбежностью, противиться которой не советуем. Один изворотливый и воображающий себя предельно хитрым байдарочник решил бороться с этим законом, прихватив запасные чехлы. Первый комплект он забыл на второй стоянке, запасной комплект продержался у него до седьмой. Теперь это самый скромный из всех байдарочников, страдающий к тому же комплексом неполноценности.

Приверженцы телепатических и астральных явлений найдут здесь богатую пищу для размышлений, и мы им эту пищу охотно уступаем, потому что ломать голову над причинами столь упрямого поведения байдарочных чехлов мы давно отказались, ибо знаем: все равно придется возвращаться из похода, упаковав байдарку в подручный материал. Поэтому не трать попусту слов, мы заготавливаем лишний кусок пластика и веревки (кстати, они никогда не окажутся лишними).

КОСТЕР

На 114-й странице одного почтенного издания, в котором собраны сливки туристской мудрости, сказано велеречиво, но зато категорически и лаконично: “Костер — приспособление для согревания туристов, приготовления пищи и высушивания промокшей одежды”.

Даже убежденный прагматик, прочтя это определение, рискует нажать стойкое отвращение к туризму. Потому что согреться, обсушиться и питаться можно и дома.

Если бы был объявлен конкурс на лучшую туристскую эмблему, сомнений нет — такой эмблемой стал бы костер. Костер, и только

он! Потому что... Впрочем, разве вы сами не понимаете почему?!

Итак, костер — эмблема, символ. А символ надо чтить, символу надо поклоняться.

Жрецом костра на протяжении похода является Костровой. На его... нет, не плечи, на его колени ложится обширный круг обязанностей. И действительно, Костровой, за исключением немногих минут сна и тех, по его мнению совершенно пропавших, часов, когда надо куда-то и зачем-то плыть, проводит все время перед костром на коленях, изредка дуя в него и большей частью о чем-то интимно перешептываясь с ним.

В течение всего похода Костровой высокомерно игнорирует красоты ландшафта, оценивая его лишь одной меркой: есть ли на окружающих берегах горючие предметы и сколько их. При выборе стоянки Кострового совершенно не интересует удобный подход к берегу, его не пугает нависшая плотной пеленой комариная стая, он не смущается близким соседством скотного двора. Даже шуршащие в высокой траве подозрительные змеи ему не помеха. Какие там змеи, когда здесь в изобилии разбросаны сухие сосновые ветки!

Идеальной для Кострового является река, ровные берега которой украшают сложенные аккуратными штабелями сухие ветки и щепки. Причем мелкие сложены отдельно.

С чего начинается костер? С выбора места. И если стоянка тесна и неудобна, то костру, как любимому и капризному детищу, отдают самый лакомый кусок.

С видом средневекового рудознатца и чуть ли не осеняя себя и стоянку крестным знаменем, Костровой отрешенно бродит по площадке и, пробуя почву палкой, бормочет:

— Нет, здесь Ему будет нехорошо. Этого Он не любит. И этого тоже. А вот тут, будем надеяться, ему понравится.

Все остальные члены группы, не смея выказывать признаков нетерпения, ждут, когда же наконец Ему будет определено место, ибо вся планировка лагеря “отталкивается” от костра. Остановив выбор на одном ему понятном бугорке, Костровой бухается на колени, и в такой позе (голова и спина внизу, а все остальное наверху) остается вплоть до отхода ко сну.

Костер должен быть расположен не высоко, не низко, не далеко, но и не близко. Свет от костра должен освещать по возможности все палатки, дым от костра должен разгонять комаров на всей стоянке, а тепла его должно хватить на всех членов группы плюс два котелка.

Но плохо, если искры от костра, не успев “погаснуть на лету”, доберутся до палатки. Скверно, если дым будет душить не только комаров, но и туристов.

Да, свод правил выбора места для костра — это наука. Но применение их на практике — искусство!

Прежде чем возжечь костер, Костровой укрепляет стойки для котелков. Классический способ (две рогатины с положенной на них перекладиной) следует признать, во-первых, антиэкологичным, так как он предполагает уничтожение на каждой из стоянок минимум трех свежих ветвей (сухие для стоек не подходят); во-вторых, мало-практичным, поскольку на берегах давно уже не осталось пригодных для этой цели деревьев; в-третьих, не отвечающим уровню технического развития современной цивилизации.

Опытный Костровой задолго до похода, презрев служебные дела и домашние заботы, с головой уходит в конструирование сложной сборно-разборной металлоконструкции, главной деталью которой служат цепляющиеся друг за друга крючья: с их помощью можно регулировать высоту подвешивания котелка над огнем.

Впрочем, сверхновые достижения в костровой науке показывают, что можно обойтись и вовсе без стоек и палок. Две П-образные проволоки (которые при необходимости, кстати, используют в качестве подставок для шампуров) втыкаются прямо в землю, между ними подвешивается котелок. Неоспоримое преимущество этого крепления “с низкого старта” заключается в том, что полный пятилитровый котелок можно вскипятить тремя щепками в течение десяти минут. В обычном же “рогатинном” варианте на это уходит полчаса и, главное, вдесятеро больше топлива.

Но прежде все же костер надо разжечь. О том, что костер в походе следует разжигать с одной спички, знают все. Знают и то, что растратчик, который губит на разжигание костра две спички, недостоин называться туристом вообще и туристом-байдарочником в особенности.

Нам очень хотелось бы узнать, как впервые была пущена легенда об умельцах, вызывающих костер к жизни одной спичкой! Как все легенды, она, гиперболизируя возможность человека, обладает громадной притягательной силой. Поэтому мы не только не станем отговаривать вас от благих попыток возжечь костер одной спичкой, а, напротив, будем призывать вас: дерзайте! Прав был Станислав Ежи Лец, заявляя: в наше время, когда осуществлены самые смелые меч-

ты, настало, время и для несмелых.

Имеется, впрочем, по крайней мере два средства резко сократить расход спичек. Кто-то спешит высказать догадку: керосин! Что ж, попробуйте взять с собой в поход бутылку с керосином... Спустя два часа после старта останется лишь один предмет, который не будет едко пахнуть горючим, — руль. Через три часа запах керосина, правда, почти исчезнет, но лишь потому, что керосин будет впитан продуктами. После этого вы вынуждены будете бросить курить, ибо даже от сгущенного молока из только что вскрытой банки будет нести, как от бензоколонки, стоящей на бойком месте. Нет, керосин не подойдет!

Очень, очень хорош для этой цели “сухой спирт”, или, как его сейчас во избежание нездоровых ассоциаций именуется торговая сеть, “сухое горючее”. К сожалению, этот продукт занимает по гигроскопичности первое место во всей химии. Сохранить его в сухом состоянии даже при соблюдении всех мер предосторожности почти невозможно. Кроме того, добрая половина запаса “сухого горючего” обычно бывает выброшена нервным Адмиралом в речку на первой же стоянке после того, как он, нащупав “горючее” в темноте, “заправляет” им кружку отменно заваренного чая. Адмирала вводит в заблуждение

тождественность формы рафинада и кубиков “спирта”.

Вот почему не остается, к сожалению, ничего лучше варварского способа: интенсифицировать горение с помощью бумаги. Многочисленные опыты показывают, что для этой цели более всего подходят книги с описаниями маршрутов, по которым вы идете, поскольку, мягко говоря, приблизительность описаний, приведенных в этих книгах, станет вам очевидной после первых километров, пройденных по реке (см. об этом подробнее в разделе “Карты”).

Когда первый несмелый

огонь от старых газет и бумаги охватывает тоненькие сухие веточки, наступает самый ответственный момент. Именно здесь решается вопрос, быть или не быть костру. Поэтому не торопитесь забрасывать едва теплющийся огонек дровами. Это новорожденное детище пока что нуждается в строгой диете. Лишь спустя положенное время, когда дитя подрастет и заявит о себе веселым треском и фейерверком искр, кормите его до отвала. А аппетит у него, как говорится, дай боже...

Вот почему запас топлива истощается прежде, чем у Кострового перестает болеть поясница, и он вынужден отрывать занятых людей от дела, посылая их рыскать поберегу в поисках хвороста.

Несколько полезных советов. Мокрые дрова в принципе разжечь можно, но это, во-первых, трудно, а во-вторых, для этого надо иметь сухие дрова. Последнее отнюдь не парадокс, ибо только в очистительном пламени сухих дров высохнут и загорятся мокрые. Вот почему рекомендуем спрятать на ночь хотя бы одну охапку хвороста под полог палатки. Если вам жалко делить свое ложе с топливом, можете заботливо укутать его пластиком. Но не оставляйте топливо на ночь без присмотра. Если ночью и не будет дождя, то обильная роса сделает свое «мокрое дело».

Снимаясь со стоянки, не поленитесь залить костер двумя котелками воды. Помните, что даже основательно погаснувший костер хранит в себе скрытые возможности по части возгорания.

ПИЦЦИ ВАРЕНИЕ

Туристско-мемуарная литература настолько забита описаниями божественного вкуса похлебок, пропахших горьковатым дымом и оттого, конечно, еще более вкусных, что за одно упоминание о трапезе вокруг костра под крупными звездами над сонно плещущейся рекой следует штрафовать, как за переход улицы на красный свет с заранее обдуманном намерением.

Вот почему мы не станем воздействовать на слюнные железы поклонников французской кухни, описывая последние достижения в этой области. Оставим подобную гастрономическую лирику гурманам-поэтам и сразу же приступим к сути дела.

Нам придется начать с сурового, но точного и исчерпывающего языка математики.

На первый взгляд, наличный набор продуктов не оставляет места для фантазии повара. Но в данном случае фантазии как раз и не

нужно. Предположим, что у вас имеется девять разновидностей продуктов. Оказывается, если комбинировать их в различных сочетаниях от двух до девяти, то можно приготовить 256 (двести пятьдесят шесть!) различных блюд. Даже если исключить некоторые не очень пригодные сочетания (например, соль + вода, соль + сахар + вода), все равно остается такой внушительный ассортимент блюд, перед которым меркнет меню ресторана “Метрополь”.

Отсюда следует, что первым качеством Кока должно быть более или менее свободное владение элементами алгебры.

Второе качество, которым должен обладать Кок, — это смелость в сочетании с некоторой долей здорового нахальства. Действительно, в обычных, то есть непоходных, условиях никто не решится предложить вниманию питающейся публики комбинацию “перловка + корица + томатная паста”. Но

если утром Кок объявит, что

в ознаменование... (в ознаменование чего именно — см. раздел “Туристские праздники”) народонаселению предлагается необыкновенное блюдо, каковое он примется стряпать с величайшей таинственностью, то, ручаемся, публика будет есть означенную комбинацию, славословя необыкновенное искусство Кока.

Если Кок не очень уверен в себе, либо группа попалась необыкновенная, можно посадить в публику клакера. Для этой цели более всего подходит Юнга, которого следует подкупить разрешением в течение трех дней облизывать крышки открываемых банок со стученкой.

Третьим качеством Кока должна быть непоколебимая уверенность в себе. Пусть с первых же дней похода его участники проникнутся сознанием того, что поварская служба — самая каторжная и в то же время самая квалифицированная. Это мнение следует изредка подкреплять. Для этого лучше выбрать момент, когда какой-нибудь зарвавшийся или зажравшийся (эпитет хотя и грубый, но в данном случае несомненно верный) турист, отведав очередную комбинацию, робко заявляет: — Братцы, а каша-то сегодня не того... не тянет... Коку надлежит тотчас же отреагировать следующим образом, психологическая действенность которого гарантируется:

- а) отставить миску с едой;
- б) скорбно опустить уголки рта;
- в) тяжело подняться;
- г) неторопливо (неторопливо!) подойти к Адмиралу;
- д) молча (молча!) протянуть ему поварской жезл — поварешку;
- е) спросить, на какую должность ему надлежит перейти с сего мгновения.

Не стоит говорить, что следующие десять минут пройдут в нестройных, но очень громких заверениях о совершеннейшем к нему, Коку, почтении и уважении. Критика, дерзнувшего усомниться в ультрапревосходнейших качествах приготавливаемой Коком пищи, подвергают остракизму, и незадачливый вольтерьянец на недельный срок переводится на самую грязную и унижительную ассенизаторскую работу: закапывание пустых банок и картофельных очистков при снятии со стоянки.

Было бы неверным, однако, считать, что авторитет Кока может держаться только на режиме подавления. Нет, время от времени он действительно должен поражать народ чем-то совершенно необыкновенным и вкусным. Приведем некоторые рецепты.

Луковый суп “паризьен”. В кипящую воду засыпаются мелко нарезанные плавленые сырки (на один литр воды полтора сырка), которые при интенсивном перемешивании полностью растворяются. Затем в следующей последовательности добавляются: вермишель (немного), тушенка (много), томатная паста (немного) и соль (по вкусу). Суп готов. Единственный недостаток этого блюда — его всегда мало. Да, в супе нет лука, но, как говаривал один из героев О’Генри, вовсе не обязательно, чтобы из подмоченных акций текла вода. Впрочем, если у вас есть лук, то добавляйте его, предварительно поджарив на подсолнечном масле (в данном случае сало исключается!).

Гусь на вертеле. Это блюдо обычно предлагается на завершающей трапезе по случаю окончания похода. Гусь покупается в близлежащем селе.

Гуся необходимо тщательно ощипать, выпотрошить, разрезать на куски и хорошенько обжарить на сковороде. Подрумянившегося гуся нанизать на вертел (шампуры) и подавать к столу. Внимание! Не вздумайте обжаривать гуся, нанизанного на вертел целиком. Здравый смысл и общая теория теплопереноса показывает, что невозможно целого гуся равномерно поджарить и снаружи и изнутри. Описания подобной операции (да еще совершаемой над цельными бычьими тушами) в романах из старинной жизни следует отнести за счет безответственности их авторов.

Ленивые вареники с вишнями. Если ваш маршрут пролегает по вишневым местам, грешно отказаться от мысли приготовить вареники с вишнями. Однако именно эта мысль и приводит в трепет Кока, поскольку участников экспедиции восемь, и каждый из них (не исключая страдающего печенью боцмана) съедает по восемнадцать вареников (больной боцман съедает их гораздо больше).

Налепить вареников на эту прорву невозможно! Но тут отлично сработает модификация этого блюда, называемая “ленивой”. В кипящую воду засыпают вермишель, добавляют соль и необходимое количество (не менее одной банки, но и не более шести) сгущенного молока, затем всыпают вишню, лучше — очищенную от косточек, но можно и с таковыми (вареники-то ленивые!). Вишня кладется в строгой пропорции: чем больше, тем лучше.

Праздничное пирожное. Банку со сгущенным молоком кипятят в течение трех часов. Затем воду выливают (хотя кипятили банку долго, но особенного навару с нее вы не получите), банку охлаждают, вскрывают, намазывают образовавшийся чудный крем на сухие хлебцы, сверху украшают любимыми ягодами.

Суп “фантази”. Готовится в самый последний день похода. Технология его необыкновенно проста. В котелок ссыпаются все (все!) остатки из всех (всех!) мешочков, добавляется вода, и все это кипятится в течение часа. Варено получается на удивление вкусное. Приятного аппетита!

ДНЕВКА

Есть туристы, настолько сжившиеся со своей байдаркой, что даже восемь часов ночного сна, проведенного вне ее, причиняют им боль. Они готовы делать 70-километровые переходы, отказавшись от остановок в пути и ночлега, чтобы только не разлучаться со своей “старой посудиною” (так они называют байдарку). И послушали бы вы, сколько трепетной и нежной любви вкладывают они в эти суровые слова!

На стоянке они ставят палатку рядом с вытасченными на берег байдарками, чтобы иметь возможность несколько раз за ночь провести свою верную подругу. Костер они тоже пытаются развести возле байдарки (наверное, чтобы она согрелась). Короче, они относятся к ней, как к нежно любимому живому существу. Но кто посмеет упрекнуть их в этом!..

Один наш приятель даже укладывал байдарку вместе с собой в палатку, не забывая на ночь заботливо натереть ее лосьоном “Ангара”.

Что ж, возможно, он слегка перебарщивал. Но разве суть в этом?!

В мире есть только одно слово, одно понятие, способное отвлечь этих неистовых фанатиков, заставить их на время расстаться со своими любимцами. Слово это — “дневка”.

Есть люди, которые на вопрос “ваше представление о туристском счастье?”, не задумываясь, отвечают: “Борьба с трудностями! Преодоление препятствий!” Они готовы день и ночь штурмовать пороги, мчаться по бурунам и стремнинам, шагать по пояс в белой пене, вынося из потока вещи и людей. Их радуют шквальный встречный ветер и волны, швыряющие им в лицо пригоршни брызг. Их веселят грозы и штормы, тайфуны и цунами... День, проведенный спокойно и безмятежно, они считают потерянным, а остановки и стоянки — неизбежным злом. Слово “трудный” применительно к маршруту для них — синоним слова “хороший” и антоним слова “бездарный”. Соблазнять их тихими радостями безмятежных, неторопливых рек — напрасный труд.

Завлеченные силой или обманом на тихую реку, они страдают сами и отравляют жизнь окружающим. Они обдают презрением препятствия, которые среднему туристу кажутся значительными. Они терроризируют спутников рассказами о водопадах, по которым они спускались сами, и о камнепадах, которые спускались на них, о плотинах и лавинах, о градинах величиною с яйцо страуса и о штор-

ме сплошь из девятых валов...

Трудно чем-то отвлечь и увлечь этих людей, невозможно переубедить их. Но есть слово, распахивающее двери в их огрубевшие сердца. И это слово — “дневка”.

Есть, наконец, и гораздо более распространенная разновидность туристов, для которых дневной переход, прохождение маршрута, преодоление препятствий — не самоцель, а лишь прелюдия к главному — к привалу, вечернему костру, туристской трапезе и песням над тихой рекой, уюту палатки, луне, мирно сияющей над спящими на берегу байдарками, плеску рыбы в темной реке и таинственным голосам ночных птиц. Надо ли говорить, что для этих людей слово “дневка” имеет не меньшую притягательную силу!

Итак, дневка желанна всем. И заслужена всеми, ибо добраться до нее не так уж и просто: между двумя дневками неизбежно лежит отрезок в несколько ходовых рабочих дней. Зато значит она гораздо больше, чем просто день отдыха. В нее вмещается и праздник, и воскресник, спортивный фестиваль и гипнотерапия, бал и маскарад. У каждого члена экспедиции с дневкой связаны свои планы и надежды. Рыболов собирается наконец-то найти достойное применение своим многочисленным снастям и разом покончить с шуточками на свой счет. Коку снятся деликатесы, которые он обнаружит в близлежащем селе, и пир, какой он закатит после их приобретения (на нем будет все, до блинчиков включительно!). Женщины готовят великую демонстрацию моделей, стирку, штопку и починку, дети — не менее великую порчу и загрязнение. Адмирал тайно лелеет мечту точно установить место своего пребывания и сообщить об этом миру с ближайшего телеграфа. Следопыты жаждут отыскать “следы невиданных зверей”, грибники — заросли грибов. Спортсмены планируют разыграть первенство лагеря по бадминтону, а флегматики — просто выспаться.

Чтобы удовлетворить потребности всех участников, дневка должна отвечать некоторым требованиям, причем все требования, предъявляемые к стоянке (см. раздел “Стоянка”), имеют законную силу и для дневки, но сверх того она должна обладать и другими достоинствами.

Главнейшим среди них является ее заповедность. Желательно, чтобы лагерь был разбит в месте, где еще не ступала и на протяжении двух ближайших суток не ступит нога человека. Это простое требование бывает довольно трудно осуществить. И не только пото-

му, что следы людей вы легко обнаружите в самых диких местах, но и потому, что оно вступает в явное противоречие с необходимостью иметь вблизи места дневки деревню с магазином, почтой и телеграфом.

Остается одно: найти участок берега, отгороженный от всего мира непроходимыми горами. Если таковой найдется, то интересы всех будут соблюдены. Кока в его стремительном порыве к магазину не в состоянии задержать даже горы, а у остальных они создадут прочную иллюзию оторванности от мира.

Не менее важно и такое качество дневки, как неповторимость. Имеются в виду черты специфические, присущие только ей, которые врежутся в память навсегда. Например, близкое соседство с крупным муравейником или с поселением земляных ос. Неплохо запоминается и наличие неподалеку ржавого болота или ароматизированных сероводородных источников. Добрую память оставляют по себе комары, змеи и ядовитые членистоногие.

Но, конечно, при всем при том к самым неизгладимым относятся не острые ощущения, не экзотика. Не умом, но сердцем запомните вы тихий плес у вашего лагеря, соловьиную ночь, чуткую тишину уснувшего леса и первые лучи солнца, сначала робко, а потом все победительней вырывающиеся из-за густых кустов. Именно это будет вам сниться долгими зимними ночами, именно от этого будет замирать сердце при слове “дневка”, и именно Это неудержимо повлечет вас в следующий туристский поход, невзирая на все семейные, административные и другие обстоятельства.

Чтобы дневка не потеряла своей притягательной силы, она не должна быть явлением слишком частым: не более трех дней на двухнедельное путешествие. Если их будет больше, то возникнет угроза превращения похода в постоянно действующий лагерь со всеми издержками оседлого поселения. Не возражая против такой формы отдыха в принципе, мы вынуждены, тем не менее, заявить, что к туризму она не имеет ровно никакого отношения.

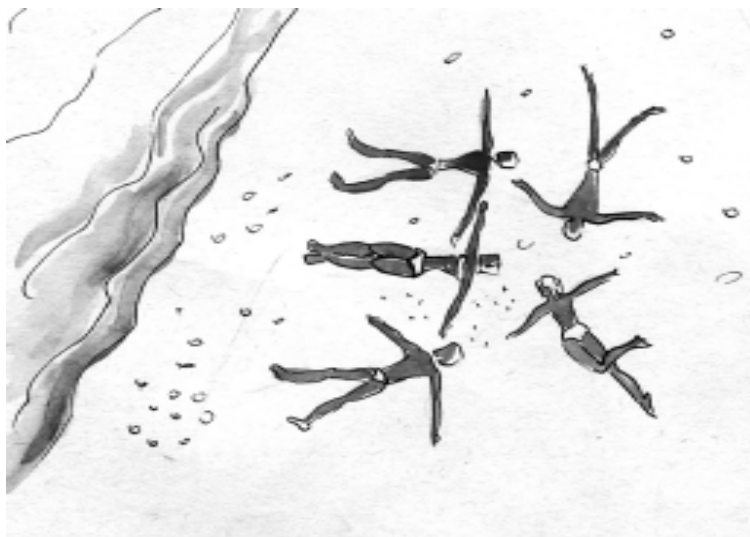
Предполагаемые дневки лучше разметить заранее, еще до выхода на маршрут. Соберитесь в один из вечеров у карты избранной вами реки, вооружитесь справочниками, путеводителями и описаниями, обсудите все возможности и нанесите на карту три или четыре красных крестика в наиболее подходящих для дней местях. Эта работа не пропадет даром. Во-первых, вы будете иметь возможность еще раз сравнить желаемое и существующее и помянуть добрым (или недобрым) словом справочники и описания. Во-вторых, если совершенно случайно хотя

бы один из ваших крестиков окажется вблизи места, действительно пригодного для дневки, вы сможете, скромно опустив глаза, сказать: “А что я вам говорил?” — и предоставить окружающим оценивать ваш гениальный дар провидца.

Дневка должна быть такой, чтобы вам было жаль уезжать с нее, чтобы вы оставляли на ней частичку вашего сердца (о части вашего имущества можно не упоминать — она останется там непременно). Как этого добиться? Прежде всего не жалейте труда.

Чем больше вы его вложите в оборудование дневки, тем милее и памятнее для вас она будет. Не потому ли туристы ищут заповедности, тщательно избегая уже освоенных кем-то мест?..

Выройте яму для костра, сделайте водоотводные каналы и земляную лестницу на подъеме от реки к лагерю, врыйте шест для флага экспедиции, сколотите навес для байдарок, стеллаж для весел, кладовую для продуктов, сушилку для мокрых вещей, выкопайте колодец и оградите место дневки забором. Можете не сомневаться: вы ее не забудете никогда. А если к тому же вы проведете ирригационные работы по осушению соседнего болота, углубите дно реки и выпрямите ее русло, то расстанетесь с ней только для того, чтобы в ближайшее время вернуться обратно.

Рукотворность и есть третья и, наконец, важнейшее качество дневки. Оно целиком зависит от самих туристов, следовательно, неизбежен вывод: не бывает плохих мест, бывают лишь плохие туристы.

Несколько слов о дневках вынужденных. Они совсем не обязательно должны быть плохими, хотя стена дождя, окружающая палатку, может неизбежно стоять несколько дней. Мир такой дневки предельно сжат и сводится, пожалуй, к единственному развлечению: просматриванию туристских сновидений. Но разве это так уж плохо?

Вынужденная дневка, вызванная дождем, может подарить и более острые ощущения. Например, разжигание костра. Как бы тщательно вы ни упрятывали дрова в свою палатку и даже в свой спальный мешок (см. раздел “Костер”), разведение огня под дождем все равно останется увлекательнейшим делом (правда, не столько для Кострового, сколько для зрителей, наблюдающих за его усилиями из палаток и охотно и совершенно безвозмездно дающих советы).

Вынужденная дневка может быть и заповедной, и неповторимой, ибо стихийное бедствие вполне может заставить вас разбить лагерь в таком месте, где и “черный ворон не пролетывал, и серый волк не прорывался”. И память о нем не сотрется. Но уже через несколько часов после окончания дождя, когда первая байдарка скользнет на воду, эта самая память окрасится в тона светлые и лирические. Стоит ли доказывать, что по мере удаления от дневки она будет становиться все ближе и все лучше? И если туристы редко возвращаются на бывшие места, то вовсе не потому, что им этого не хочется. Просто их ждут новые реки и новые маршруты, а значит, и новые дневки.

ДОКУМЕНТЫ ЭКСПЕДИЦИИ

Удовольствия байдарочного похода отнюдь не завершаются в день окончания маршрута. Нет, они длятся, переходя в новое очень приятное качество — воспоминания. Большею частью туристы распоряжаются воспоминаниями с преступной расточительностью. Спустя несколько месяцев, собравшись одним дождливо-осенним днем, они расшвыривают воспоминания, вспоминая все одновременно, наращивая с каждой минутой эмоции и децибелы. Приятель, случайно забредший на туристско-мемуарный огонек, покидает его, так и не поняв, где именно Кок в минувшем походе заперол кашу — перед Гадячем или под Брянском. И не то беда, что Гадяч и Брянск никак не

сводятся на берега одной водной артерии, потому что первый украшает полтавскую речку Псел, а второй стоит на Десне. А то худо, что и сами участники похода начинают сомневаться, шли они в этом году по Птичи или нет. Потому что Шамары, о продуктовых прелестях которых весь вечер глухарино токовал Завхоз, находятся на уральской речке Сылве, а вы до сих пор считали, что минувшее лето путешествовали по Белоруссии.

Нет, от котла воспоминаний следует вкушать с понятием, умеренными, даже скупыми дозами.

Если вы хотите день за днем вновь пережить все перипетии минувшего похода, извольте вести дневник. Только он обеспечит вашим воспоминаниям неукоснительную последовательность и строгую достоверность. И только дневник сослужит хорошую службу грядущим поколениям байдарочников, которые куда доверчивее отнесутся к документам, нежели к зыбким устным преданиям байдарочных предков.

Та настойчивость, даже назойливость, с какой мы убеждаем вести дневник, несомненно, наведет читателя на мысль, что здесь что-то не то. И, честно говоря, он будет прав. Потому что вести походный дневник — дело, требующее незаурядного мужества и редкой силы воли.

Документальным, именно документальным (лирику оставьте дневникам иного сорта), походный дневник может быть лишь при одном условии: его надо заполнять ежедневно. На следующее утро вчерашние происшествия уже подернутся пеленой недостоверности, а еще через день, под обрушившейся на вас лавиной событий, вы забудете не только число и длину обносов, но и количество и качество трапез.

Поэтому сегодняшняя страница дневника должна быть заполнена именно сегодня. А сегодня в переполненном многочисленными обязанностями и многотрудными хлопотами дне у вас имеются только минуты у вечернего костра.

Да, вы отмахали сегодня тридцать пять километров. Да, у вас сегодня было два — тех еще! — обноса. Да, почти весь день шел нудный дождь. Да, сейчас после вечернего варева всем вашим существом владеет одна, но пламенная страсть: залезть в спальник и уснуть. Вот тут-то и нужна сила воли. Смирив с ее помощью свои желания, вы садитесь за дневник. Причем уже сам процесс заполнения его страниц требует немалого стоицизма, потому что писать приходится держа дневник в одной руке, карандаш — в другой. А на то, чтобы

вытаскивать из костра печеную картошку, отгонять комаров и вести с Адмиралом аргументированный спор по поводу сегодняшнего километража, катастрофически не хватает конечностей.

Теперь вы понимаете, что слова о мужестве и силе воли отнюдь не расхожие штампы.

После завершения похода следует сверить записи каждого из участников. Это позволит устранить мелкие неточности и выстроить полную картину каждого из походных дней.

Чтобы не быть голословными, приведем отрывки из соответствующих документов за один наудачу выбранный день.

Из дневника Адмирала:

17 июля 1982г.

Стоянка в 28,5км выше Жабок. На небе ни тучки! Поляна большая, сухая, рядом густой смешанный лес. Накануне назначил подъем на 7.00, но, так как был уверен, что дежурный - Завхоз - проспит, встал в 6.14 и набрал хворосту. В 7.00 объявил побудку. Но удалось вытащить из палатки, да и то лишь в 7.32, лишь Кострового. Завхоза разбудить так и не удалось, поэтому в 9.19 пришлось завалить палатку и тащить из-под нее Завхоза, который спал на продуктовом мешке.

На завтрак - перловка и чай. И то и другое - без ничего. Вышли на маршрут в 10.53. В 13.03 стали на обед, хотя прошли всего ничего. И на обед было ничего – та же перловка. Выгнал народ на маршрут в 17.11: (зачеркнуто) туняядцы крепко (зачеркнуто) спали, а потом еще крепче ругались. Через 98 минут стали канючить по поводу стоянки. Решил с (зачеркнуто) не связываться и дал команду разбирать лагерь. До нормы не добрали 18,5 км. На ужин - перловка с ничем. До каких пор (зачеркнуто)!..

Из дневника Завхоза:

17 июля 1982г.

Стоянка километрах в десяти перед Жабками.

Пасмурно. Поляна маленькая и сырая. Жиденъкий соснячок. Проснулся первым часов в шесть и до подъема собирал топливо. Адмирала будили всем гуртом. Его превосходительство изволили явить свой лик народу лишь около восьми и тут же осведомились, что будет на завтрак. Выдал Коку половину всего запаса перловки. На маршрут вышли около десяти и махали веслами без перерыва до часу, да так, что прибрежные села мелькали, как частокол. Адмирал велел на села не смотреть и нагонять упущенное. На обед выдал

Коку остатки перловки. Кок пытался натравить на меня несознательную и темную массу. Пренебрег. После обеда подремали около часа и снова принялись месить воду. Шли часов до восьми. На ужин выдал Коку перловку и ушел в плавни слушать лягушек. Кок (зачеркнуто) дурно воспитан. А в перловке очень много аминокислот. Да и остальные не лучше, потому что в перловке очень много витамина В, а они не понимают, как он им (зачеркнуто) необходим.

Из дневника Кока:

17 июля 1982г.

Стоянка где-то за Жабками. Моросит. Поляна вся в лужах. Леса нет. Лозняк. Встал рано и насобирав топлива. Вообще-то дело не мое, но надоел (зачеркнуто) скулеж Кострового. Приготовил завтрак и прокричал побудку. Вылезли из палаток сразу. Публике было предложено: лосось в томате, гречка с тушенкой и кофе повенски. Поели и сразу забрались в лодки. До обеда работали, как галерники. Отмахали, наверно, полкарты. На обед борщ, жареная рыба и суфле из ягод. После обеда не отдыхали и перли до глубокой ночи. На ужин - шашлык с подливой. На просьбу чем-нибудь скрасить шашлык Завхоз злобно оскалил желтые клыки.

Из дневника Кострового:

17 июля 1982г.

Где стоим — не усек, но болото роскошное. Сильный дождь. Леса нет. Кустарника нет. Вообще ничего нет. Встал ночью и собирав плавник. Костер разжег с одной спички и на великом энтузиазме. Старался зря, потому что на завтрак была голая перловка.

На обед стали тоже в болоте. Костер раскоचेгарился на камыше. Снова перловка. После обеда шли до вечера, а потом весь вечер до ночи. И, кажется, еще и ночью тоже. Стоянку Адмирал выбрал на дне какого-то озера. К счастью, мелкого. Костер разводил на сфагновом мхе. И снова старался ради перловки. Завхоз... (далее хотя и не зачеркнуто, но ввиду частного интереса опускается).

Хорошее дело походный дневник!

Дневником, однако, не исчерпываются документы похода. Есть еще фотографии, вернее, слайды, ибо только экран может хотя бы в какой-то степени передать многоцветье виденных наяву пейзажей.

Фотографировать хотят все. Умеют немногие. Из этих немногих Адмирал выбирает одного. Мера разумная, иначе весь личный состав экспедиции вместо того, чтобы заниматься общественно полезной

греблей, все светлое время и добрую часть сумерек будет рассматривать окружающую среду через видоискатели фотоаппаратуры. Известен случай, когда Адмирал сам оказался фанатиком пейзажной фотографии, и поэтому не смог проявить необходимой твердости во введении моратория на фотодейтельность. Опомнились неделю спустя, когда выяснилось, что группа проплыла семь километров, истратив за это время столько же километров пленки всех видов.

Фотограф не только должен разбираться в выдержках и диафрагмах, не только обязан прицельно выбирать пейзажи, но должен еще быть хорошим психологом. Хороший Фотограф не станет докучать экипажу просьбами о позировании. То есть он не прочь, чтобы адмиральская байдарка замерла эдак секунд на пятьдесят перед входом в пролет моста, куда с мрачным ревом несется вода. Эх, и кадр бы вышел! Но у Фотографа (хорошего фотографа!) хватает здравого смысла не тревожить начальство подобной просьбой.

Поэтому хороший Фотограф работает неназойливо. Подкравшись неслышно, он снимает отличный кадр и лишь затем обращает на себя внимание победным трубным ржанием. Запечатленные мгновения (Юнга, гипнотизирующий преисполненным невыразимой тоски взором котел с поспевающей кашей; Завхоз, которого собирается линчевать несознательная часть группы; Костровой на коленях перед костром с выразительно поднятой к небу той частью его кострового тела, которой надлежит быть при этом поднятой, и т.п.) на просмотрах пользуются неизменным успехом.

Впрочем, два кадра требуют терпеливого и сознательного позирования всех членов экспедиции. На первом из них - вся группа в начале похода перед посадкой в только что собранные суда. На втором — группа в конце похода.

Именно с демонстрации этих двух сюжетов начинается показ слайдов, когда вы собираетесь на отчетный вечер. Сопоставление увертюрного и финишного слайдов доставляет немалое эстетическое наслаждение и обладает огромной познавательной ценностью.

Если собранные вместе участники похода вначале с трудом влезают в кадр, то на заключительном слайде по бокам остается бездна свободного пространства, несмотря на то, что рядом с Адмиралом в шеренгу втиснулся Завхоз (который на предыдущем слайде маячит где-то на четвертом плане). Сейчас же он победно держится за продуктовый мешок, причем обоих распирает: мешок — от сохранных продуктов, Завхоза — от гордости за степень этой сохранности.

Да, объемы участников похода заметно уменьшились. Хотя мужчины и обзавелись растительностью, по отношению к которой слово “борода” — лакировка действительности. В то же время ласковое слово “небритость” здесь не подходит. Женщины не глядят в объектив, испытывая законную гордость за свой действительно зулусский загар.

Далее слайды положено демонстрировать в строгой последовательности. Сначала — пейзаж первых метров водного пути. Фотограф знал: тут должны раздаться стоны восторга. И точно — все исторгают единодушный вопль. Только Адмирал позволяет себе заметить: — Слайд перевернут!

— ?

— Слайд перевернут, потому что здесь левый берег справа, а правый — слева.

— С чего ты взял? Посмотри как следует! Ведь высокий берег всегда...

— Когда я веду экспедицию, у меня правый берег всегда справа, а левый — слева! — категорически формулирует Адмирал то, что принципиально отличает его от иных, менее квалифицированных и менее ответственных руководителей.

В это время под лучом проектора слайд начинает дымиться, и вопрос о берегах повисает в воздухе вместе с дымом.

Прошел час, а Фотограф добрался лишь до пятого слайда, форме и содержанию которого позавидовал бы любой абстракционист. Фотограф утверждает, что это панорама пресловутых Жабок в предутреннем тумане. Костровой же, заметив, что Фотограф никак не мог запечатлеть предутренний туман, ибо ни разу в жизни не размыкал очи раньше чем в десятом часу, клянется: на слайде — Мокрое Болото, снятое через костер, который в тот день Костровой раскошегарил на вымоченных в болоте поганках. Завхоза же не столкнуть с убеждения, что на слайде — полиэтиленовая скатерть на шестой день похода.

Спор прекращает хозяйка, внеся горячий пирог с грибами, собранными в походе...

Ведите дневник, творите слайды! Без них поход — не поход, а только его половина. И даже не лучшая!

ТУРИСТСКИЕ ТОРЖЕСТВА И ПРАЗДНИКИ

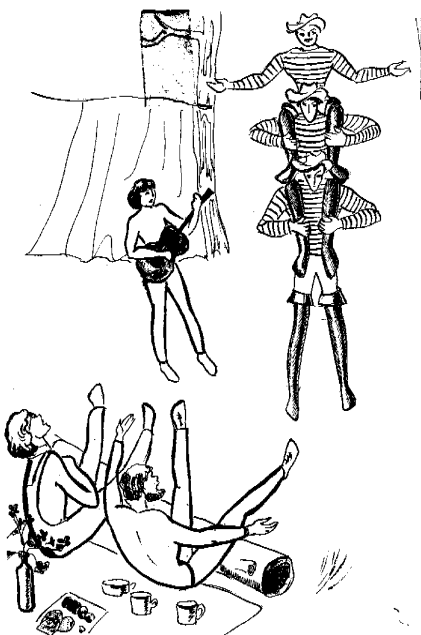
Туристский поход сам по себе “праздник, который всегда с тобой”. Этим справедливым утверждением можно было бы и ограничиться, но стоит ли лишать себя удовольствия еще раз вспомнить туристские торжества, зыбкий свет костра, песни над уснувшей рекой и ощущение счастья, ожидающего тебя где-то рядом, за ближайшей речной излучиной...

Праздники в походе возникают стихийно. И в этом их прелесть. Нет ни длительных приготовлений, ни томительного ожидания, ни неизбежного салата “Оливье”. Зато есть хорошее настроение (без него туристское торжество не может возникнуть), импровизированные, а не отрепетированные заранее шутки и тосты. Нет соседей внизу и соседей сверху. Но есть безмолвная стена леса и тихо плещущая у берега вода, да в деревне на противоположном берегу собачий хор, которому, несомненно, нравится ваше пение.

Туристские праздники совсем не обязательно связаны с какими-то историческими событиями и датами. Поводы подчас кажутся непосвященным совершенно ничтожными. Например,

праздник рыбака может возникнуть в результате отлова первого и (как опасается многоопытный Адмирал) последнего язя длиной в целых пятнадцать сантиметров! Не говоря уже о таком событии, как завершение первой трети маршрута или приобретение незапланированных леденцов в магазине села Верхние Первачи.

Вообще, только в туристском походе убеждаешься, как, в сущности, немного надо, чтобы человек почувствовал себя счастливым и был готов разделить эту радость с другими;

как любое событие, даже неприятное, может обернуться поводом для торжества.

Например, на стоянке забыт чехол от байдарки. Несмотря на неизбежность этого события (см. раздел “Стоянка”), оно производит гнетущее впечатление на всех. Виновника (если его удастся обнаружить) после краткой двухчасовой артподготовки подвергают пытке шуточками, обращаясь к нему только с добавлением слова “профессор”, ибо традиционно предполагается, что только имеющий это звание автоматически приобретает право на рассеянность. Кроме того, несчастный живет в томительном ожидании снятия со следующей стоянки, где все его действия будут бдительно контролироваться и каждый его промах будет злорадно фиксироваться...

И вдруг! Во время незапланированной остановки по поводу обноса неведомо откуда взявшейся плотины (см. раздел “Карты”), утраченный чехол обнаруживается, причем в байдарке самого активного насмешника. Невинно пострадавший нервно смеется и обращается к своему мучителю: “Глубокоуважаемый профессор, не забыли ли вы, садясь в байдарку, снять галоши?” Но его сарказмы тонут в приливе бурной радости: во-первых, раз чехол нашелся, его можно потерять снова, а во-вторых, есть повод для праздника.

Случаются в походе и семейные торжества: именины, годовщины и свадьбы всех достоинств, до золотой включительно. Но даже им туристская обстановка придает не-обычную простоту, свежесть и веселье. Где вы видели, чтобы именинник в день своих именин не был вынужден сто пятьдесят раз в день сокрушенно сообщить своим поздравителям: “Ну что за ра-

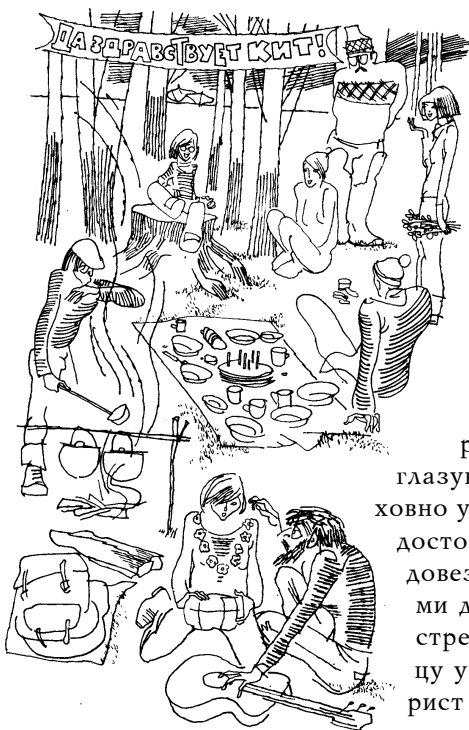

дось? Стал на год старше — вот и все..” В походе это не нужно, да и времени на такие сентенции нет. Юбиляр вместе со всеми выполняет свою матросско-грузчицкую службу (если ему повезет, в этот день будет два обноса по триста пятьдесят метров каждый и три волока), но, как ни странно, к вечеру он чувствует себя не постаревшим на год, а помолодевшим на два. Поэтому виновник торжества не манерничает, не вздыхает по поводу груза годов, а просто радуется прекрасному летнему вечеру, костру и подаркам друзей.

Туристские подарки заслуживают особого разговора. Следует сразу сказать, что в походе количество абсолютно ненужных вещей, вручаемых в качестве подарков, сокращается примерно в сто двадцать четыре раза. Правда, нам известен случай, когда имениннику на одной из сибирских рек был вручен двадцати-килограммовый гипсовый бюст Иммануила Канта. Но этот случай следует отнести к разряду экзотических исключений.

Как правило же, все даримое малогабаритно, удобно и остроумно, ибо ничто не занимает так мало места, как остроумие. Вовремя подаренная мелочь — карманный фонарик, нож или подтяжки — может сделать человека счастливым. Хороши также всякие самоделки, особенно из съестных припасов.

Может быть, нетурист и решит, что радоваться яичнице-глазунье станет только человек духовно убогий. Турист же оценит ее по достоинству. Он знает, чего стоило довести яйца целыми и невредимыми до сковородки, несмотря на их стремление превратиться в яичницу уже в рюкзаке. Да и просто турист не очень склонен верить в антагонизм “материального” и “духов-

ного”, “высокого” и “низкого”. Он живет в цельном мире, в котором во время похода хорошая яичница стоит никак не меньше, чем перстень с монограммой или приталенный пиджак с длинными полами. Наш рассказ о туристских торжествах и праздниках был бы неполным, если бы мы не упомянули о туристских песнях, без которых мероприятия вообще немыслимы. Конечно, термин “туристские” следует понимать весьма широко, ибо турист тоже человек и ничто человеческое ему не чуждо. Он может петь романс Глинки “Сомнение” и предпочитать его всем прочим напевам. Кто упрекнет его? Кто осудит? Короче, по нашему глубокому убеждению, туристскими песнями следует считать все, что поется в туристском походе.

Правда, существуют и собственно туристские песни, в которых воспеваются все реалии походов, туристские доспехи и героические подвиги туристов. Нельзя сказать, что они поются чаще или с большим энтузиазмом, чем общечеловеческие. Скорее даже наоборот. Их держат как визитные карточки для вручения нетуристам.

Следует учесть (хотя они совершенно не поддаются учету) самодельные песни, создаваемые по принципу: “что вижу, о том пою”. Они никогда не попадут в “золотой фонд” или в телепередачу “Музыкальный киоск”, но доставляют много веселых минут самим творцам и этим оправдывают свое собственное существование.

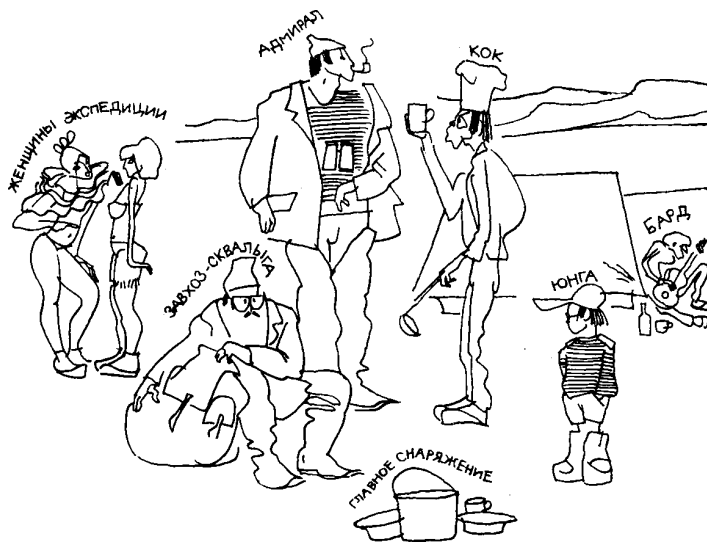
Итак, для организации праздника в походе нужны самые простые вещи: хорошее настроение, юмор и песни: Все они смело могут быть отнесены к разряду подручных средств, и вряд ли найдется хоть одна экспедиция, в которой бы их не было. А если они есть, то и праздники неизбежно будут.

БАЙДАРОЧНИК НА БЮЛЛЕТЕНЕ

Всего каких-нибудь 70-100 лет назад встреча на туристском маршруте с чумой, холерой или черной оспой была явлением заурядным. Это, как правило, осложняло путешествие. Сорокадневный чумный карантин почти полностью поглощал отпуск, а перенесенная оспа оставляла на лице туриста такие следы, что, когда он возвращался, его отказывались признать даже ближайшие родственники.

Теперь наследие проклятого прошлого ликвидировано и путешественники могут смело плыть по рекам даже без противочумных респираторов, резиновых перчаток и сапог-бахил.

Однако те, кто полагает, что лишь чума способна испортить поход, глубоко заблуждаются. Медицина все еще в состоянии предложить туристу достаточно широкий ассортимент болезней, а настойчивости, с которой она это делает, может позавидовать самый активный агент госстраха. Поэтому к медицинскому обеспечению экспедиции следует относиться с полной серьезностью и приступать к нему загодя, еще до выбора маршрута, ибо и за Полярным кругом, и во влажных субтропиках Закавказья набор болезней, которые смело можно назвать туристскими, примерно одинаков.

Прежде всего это — болезни грязных рук, выражающиеся в непреодолимом желании причалить к берегу через каждые 12 минут. Профилактика: мытье рук, к которому не мешает привыкнуть еще до похода, и определенный запас очень популярного почти у всех туристов фталазола.

Когда весь фталазол будет израсходован, а потребность в нем не уменьшится, следует прибегнуть к заготовке и использованию подручных средств, рекомендованных народной медициной. Первое место среди них по праву занимает дубовая кора (*cortex quercus*). Употребление ее должно быть известно каждому туристу, ибо описаны случаи, когда знавшие о ней лишь понаслышке на корню сгрызали трехсотлетние дубы, нанося значительный урон лесонасаждениям и не принося ни малейшей пользы собственному здоровью. Поэтому сообщаем: употреблять кору следует исключительно в виде отвара (сухая и измельченная, она заливается кипятком), пить вместо чая, компота, супа, лимонада, оранжада, сидра, кальвадоса, кока- и пепси-колы.

Хороши и отвары из черники. Но эту ягоду можно употреблять только тогда, когда вы абсолютно уверены, что отличите ее от паслена или (что еще важнее) от белены. В противном случае от черничного отвара лучше воздержаться, ибо отвар белены — слишком сильное средство, чтобы испытывать его в туристском походе.

Следующий раздел туристских болезней представлен ринитом, отитом, ларингитом, бронхитом, трахеитом, фарингитом, евстахиитом, тонзиллитом. Это все — родные братья, и каждый из них охотно откликается на кличку “катар верхних дыхательных путей”.

В условиях похода лечить их сложно, ибо подчас лече-

ние опаснее, чем сама болезнь. Самый безобидный вид лечения — спиртовое растирание. Оно, как правило, полезно в начале похода и совершенно неэффективно в конце. Связано это с тем, что спирт из аптечки имеет свойство, не убывая в количестве, со временем катастрофически терять свои градусы. К концу похода он таинственным образом превращается просто в речную воду, начисто лишенную целебных свойств.

Однако реальная опасность здоровью больного возникает тогда, когда на общем собрании экспедиции решают применить банки. Ставить их никто не умеет, поэтому экзекутор назначается жребием. Медицинских банок, естественно, тоже нет. Но ведь есть банки из-под тушенки!

Определенные сложности в походе может создать и радикулит. Владельцам этой болезни, собирающимся отправиться в путешествие, рекомендуется оставить ее дома. Если же она настолько дорога им, что сделать это невозможно, то в походе следует соблюдать следующие правила: а) не купаться; б) не наклоняться; в) не грести; г) не удить; д) не поднимать ничего тяжелее спального мешка; е) не спать в палатке; ж) не сидеть у костра; з) не стоять у берега и т. д.

Несоблюдение хотя бы одного пункта может привести к последствиям катастрофическим, ибо при попытке общими усилиями разогнуть согбенного последний издает такие звуки, что колхозные стада с близлежащих пастбищ, сметая все на своем пути, рассеиваются по полям и огородам, дикие звери и птицы покидают леса, а из райцентра, громяхая топорами и ведрами, прибывает пожарная команда.

Если вы не привезли радикулит с собой, не отчаивайтесь: его легко благоприобрести в походе. Для этого достаточно основательно намочить свой спальный мешок, а палатку на стоянке установить таким образом, чтобы вода во время дождя широким потоком лилась прямо под ваш матрац.

Лечат благоприобретенный радикулит методом вытяжения: ноги пострадавшего связывают веревкой, которая затем перебрасывается через достаточно прочную и высоко расположенную ветку дерева. За свободный конец веревки пострадавшего подтягивают повыше и дают ему спокойно повисеть до тех пор, пока он торжественно не подтвердит, что боли совершенно исчезли. Но даже если он упорно отказывается это сделать, не следует оставлять

его в таком положении на всю ночь: своими жалобами, криками и стонами он не даст вам заснуть по меньшей мере до полуночи. В туристской аптечке кроме фталазола, спирта, аспирина и кальция обязательно должны быть следующие предметы:

1. Бинт (для упаковки грузов в том случае, если предназначенные для этого веревки будут потеряны).
2. Липкий пластырь (заклеивание ссадин, дырок в палатке и прорех в костюме).
3. Спринцовка (для отсасывания воды из байдарки).
4. Губка (для той же цели).
5. Скальпель (для вскрытия консервных банок).
6. Пинцет (для вытаскивания печеной картошки из костра).
7. Зеленка (для придания зеленой пятнистости предметам, хранящимся в одном рюкзаке с аптечкой).

Это малый медицинский набор. Существует еще и большой, в который можно включить: весы медицинские, спирометр, комплект инструментов для трепанации черепа, набор реактивов для определения сахара в крови, микроскоп, аппарат для получения ультрафиолетовых лучей и портативную рентгенустановку. Что из этого набора и в каком качестве вам удастся использовать, станет известно лишь в походе. Не исключено, что некоторые предметы обнаружат свойства неожиданные и фантастические: среди трепанационных инструментов окажется крючок, словно специально созданный для подвешивания котелка; микроскоп пригодится для забивания колышков от палатки, а в наборе реактивов очень кстати будет найдена кухонная соль... Походные пути и нужды неисповедимы.

Туристы редко отдают себе отчет в опасности туристских болезней. Они начинают это понимать, только если один из участников похода — врач. Ему очень быстро удастся превратить байдарки в плавучий госпиталь, а палатки — в операционные. Он обнаружит грозные и зловещие симптомы у больных и скрытые болезни у здоровых; заставит смотреть на каждый кусок пищи, как на источник смертельного отравления; вырвет у вас из рук кружку парного молока, о котором вы мечтали две недели, и румяное яблоко, сорванное специально для вас симпатичной дивчиной из села Великие Кочки. Он безжалостно выбросит в реку половину запасов консервов, утверждая, что они бомбажные. Если бы он мог, он бы вскипятил всю реку, по которой вы плывете.

Он отравит вам очарование летней ночи рассказом о клеще — переносчике энцефалита, а ясный день — живописанием солнечного удара. Он будет вас кормить то недоваренной пищей (чтобы сохранились витамины), то переваренной (чтобы усвоилась клетчатка); запретит есть жиры (опасность ожирения), белки (опасность склероза) и углеводы (опасность диабета); заставит чистить зубы и мыть ноги перед едой...

А потом случится самое страшное: идя навстречу пожеланиям вашего врача, на членов экспедиции действительно обрушатся болезни. У половины разболются зубы, у остальных начнутся колики. поголовно все будут кашлять, а двое с ног до головы покроются синими пятнами. Кто-то из женщин тайно объестся зелеными яблоками (вечный соблазн запретного плода), кому-то в ухо заползет муравей; у одного члена экспедиции начнется лихорадка, по всем признакам (если верить доктору) совпадающая с известной на Японских островах болезнью цуцу-гамуши, а у другого появятся все признаки горной болезни...

Над экспедицией будет витать призрак досрочного и трагического окончания. Больницы близлежащих городов и сел уже протянут к участникам похода свои пахнущие йодом руки, но в это время приступ аппендицита свалит самого доктора. Больница райцентра Красные Пирогы примет его в свои объятия, и, как бы удовлетвовавшись этой искупительной жертвой, все болезни разом покинут членов экспедиции, чтобы не появляться больше до ее окончания. И это невзирая на то, что все будут пить некипяченую воду, есть зеленые яблоки и поглощать явно бомбажные консервы. Даже поедание сомнительных грибов и ягод не принесет никому ни малейшего вреда. Вы счастливо окончите поход в твердом и справедливом убеждении, что никаких болезней нет — это все врачи выдумали!

ФИНИШ

Нам осталось написать буквально несколько заключительных слов. Помните: трудности в байдарочном туризме есть. Но они - явление временное и (главное) преодолимое.

Зато удовольствие - фактор неизменный и постоянный. Недаром в наши дни байдарке (как и любви) все возрасты покорны. Ибо путешествуют по воде и шестилетние, и шестидесятилетние. Причем с одинаковым удовольствием и азартом.

Врачам-геронтологам стоило бы, на наш взгляд, внимательно исследовать вопрос о байдарочном туризме как действенном средстве сохранения вечной молодости. Ведь уже на пятый-шестой день похода вы изумленно замечаете, что ваши мышцы приобрели приятную упругость. А к концу второй недели становитесь настолько стройны, что свободно надеваете плавки, которые были вам малы уже в школьные годы.

К тому же вы ощущаете необычайную свежесть эмоций. Не то чтобы к вам вернулась детская непосредственность, но солнечный закат, килограммовый окунь или порция жареных грибов доставляют вам теперь стократ больше радости, чем в домашней обстановке.

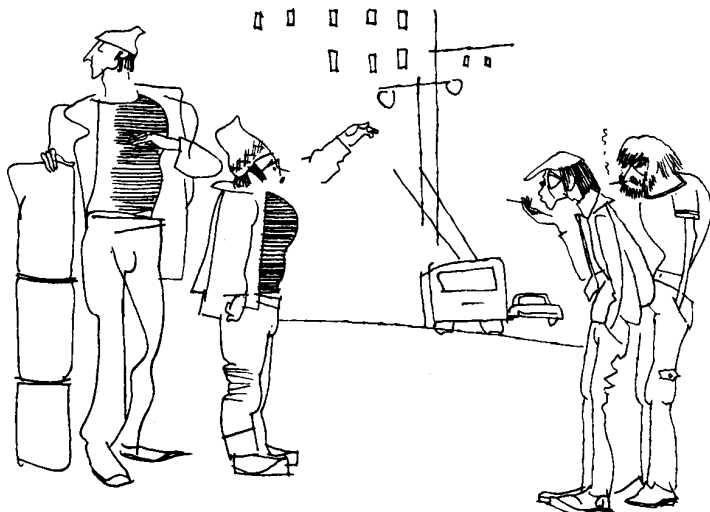
И даже тот несентиментальный турист, к коему в обычной жизни вполне приложимы знаменитые пушкинские строки:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить,

в один прекрасный вечер с удивлением вдруг обнаруживает, что он (!) сочинил (!!)-стихотворение (!!!). Вот, например, такое:

Больше всех представительных рек
И стремительных речек
Я лесную речушку люблю,
Тихую и небольшую.
По утрам выбегает
На берег ее человек - лесовик в теплой шапочке
Из еловых чешуек.
Подбоченясь,
Он птах и зверье призывает к порядку

(Чтоб никто по-пустому времени не тратил),
И, согласно режиму,
С ними проводит зарядку.
Ну, а ритм, как заправский тапер,
Им отстукает дятел.
Нанизав на травинку
Ярко-рыжие бусы рябины,
Клест обновку несет:
Отправляется к белке с визитом.
Если же солнечный лучик
Проникает в речные глубины,
То увидеть легко,
Как солидные ходят там язи.
В честь осенних дождей
Всем по вкусу вручает подарки
Лесовик,
Хлопотун-опекун на тишайшей из речек...
Когда все же доплыву я туда
На туристской байдарке,
Пусть приветливо встретит меня
Тот лесной человек!

Но, как ни жаль, настает пора возвращаться домой. И одновременно привести к финишу наше несколько сумбурное, но предельно искреннее повествование.

Для любителей классифицирования сообщаем, что возвращение из походов происходит обычно в одном из двух вариантов: а) вы едете на байдарке; б) байдарка едет верхом на вас.

Смешно было бы дискутировать по поводу того какой вариант предпочтительнее. Это, к сожалению, не всегда зависит от желания заинтересованных лиц.

Конечно, было бы очень заманчиво вернуться, допустим, в родную Бухару не на автобусе и даже не на корабле пустыни, а просто на корабле, то есть на своей верной байдарке. Но приходится считаться (уже в который раз!) с суровой географической реальностью. Ибо хотя известно, что вода покрывает целых две трети земной поверхности, оставшаяся одна треть все же является сушей, которая имеет неприятное (для байдарочников) свойство оказываться на вашем пути в самый неподходящий и непредвиденный момент.

Однако независимо от способов и путей возвращения из похода родные и сухопутные друзья встретят вас с радостью (пополам со здоровой завистью) и неизменным радушием.

Впрочем, и здесь существует неумолимая дифференциация (в последний раз испытаем терпение читателей, несколько утомленных бесчисленными пунктами, подпунктами, параграфами, которыми бессовестно злоупотреблял автор всю дорогу). Но дело в том, что желания ваших родителей и друзей, как правило, диаметрально противоположны!

Родители есть родители! Поэтому они робко (хотя и абсолютно беспочвенно) надеются, что этим походом вы подведете черту под своей беспокойной туристской карьерой. Друзья же, наоборот, истово верят, что следующий поход не только состоится, но и пройдет уже при их активнейшем участии. На это надеется даже ваш незаслуженно обиженный (то есть оставленный дома) пес Кузя. Укоряюще-преданный взор Кузи напоминает о том, что ранее вы неоднократно и весьма торжественно называли его своим лучшим другом (как при свидетелях, так и без оных). А теперь ?!

Мы очень любим наших родителей. Более того, у нас самих давно уже есть дети самого что ни на есть туристского возраста,

воспитания и телосложения. И как раз поэтому, несмотря на вышеупомянутую любовь, нам придется в очередной раз обмануть родительские надежды и чаяния. Ибо финиш одного похода — это одновременно уже и предстартовый период следующего.

Так что, друзья? Какая там речка призывно и сиротливо вьется по карте в ожидании нас и наших байдарок? Горынь? Десна? Енисей?

Как следует обдумайте все. Взвесьте все “за” и “против”. И до встречи на маршруте! До новой встречи!

Содержание

Предисловие	3
По берегу за байдаркой.	5
Двадцать пять лет спустя	6
Старт	8
Как становятся судовладельцами	8
Выбор маршрута	13
Личный состав экспедиции	17
Карты	24
Информация	28
Снаряжение	33
Ремсоветы	38
Закупка провианта	42
Доставка к реке и возвращение	46
Кое-что о безопасности	55
Препятствия на реке	60
Движение!	66
Стоянка	72
Костер	80
Пищи варение	83
Дневка	87
Документы экспедиции	92
Туристские торжества и праздники	98
Байдарочник на бюллетене	100
Финиш	106

Феликс Квадригин
(Гелий Ефимович Аронов,
Михаил Яковлевич Гольдштейн,
Юрий Яковлевич Фиалков,
Юрий Вадимович Шанин)

НА БАЙДАРКЕ

Художники:
Заславская Е.И.
Жутовский Б.И.

Компьютерный набор
Неизвестный компьютерный доброжелатель

Верстка
Шейхон Л.Х.

Технический редактор
Заславский А.И.

Редакция благодарит за помощь
Гридасова В.Ф.
Мильштейна М.М.
Кривина Ф.Д.

Тираж 1000 экз.
ООО "Феникс",
Украина, 03148, г.Киев, ул.Гната Юры, 9
тел.(044) 407-11-91
E-mail:fenixz2@ukr.net